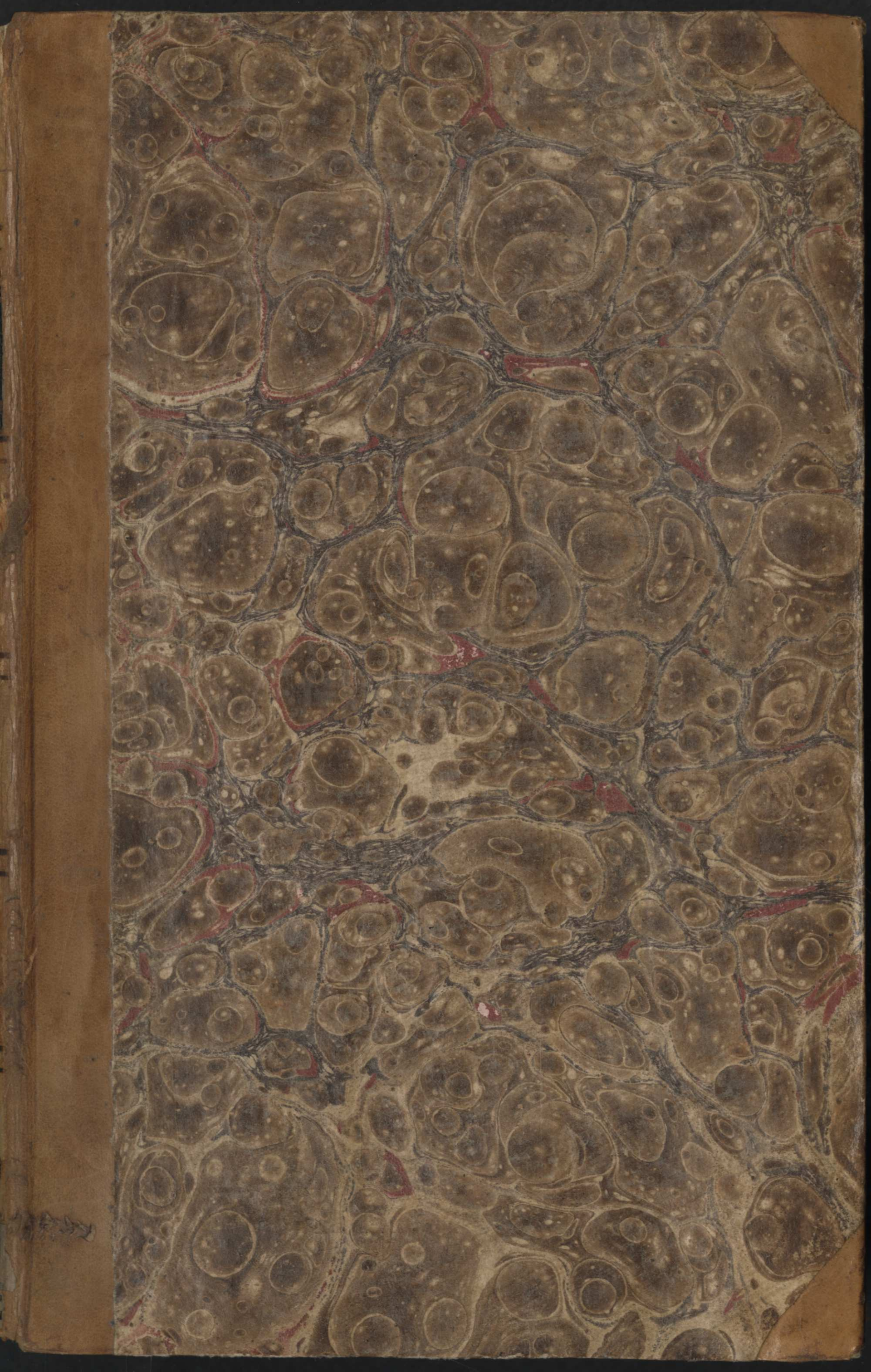
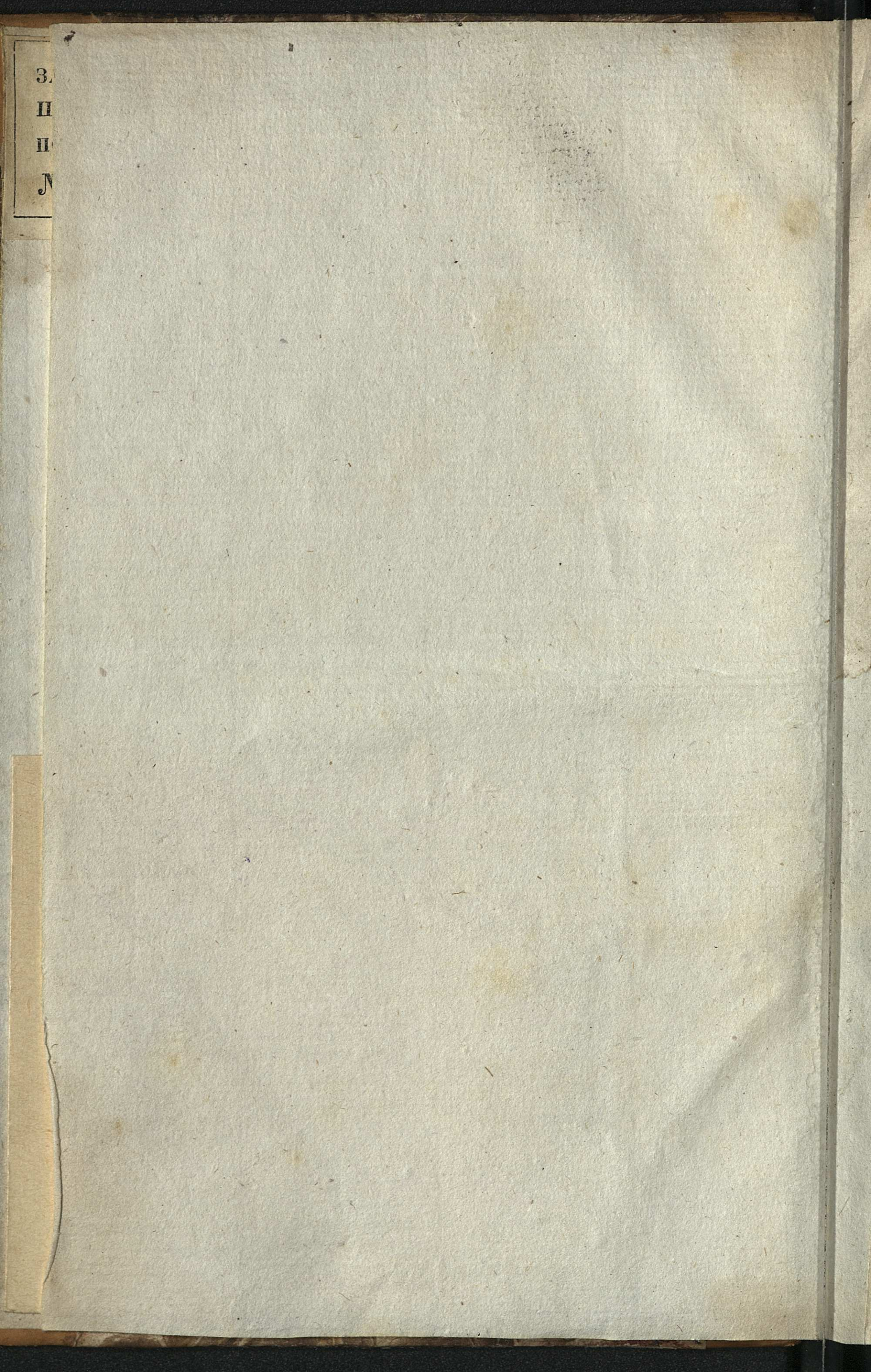

УТѢШИТЕЛЬ,

или

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ

о

БЛАГѢ и ЗЛѢ

МІРА СЕГО.

сочиненіе г. Бособра.

перевелъ съ Французскаго

Александръ Никольской.

Въ Санктпетербургѣ.

Печатано

При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ.

1784 года

*

* *

Для нѣкоторыхъ людей потребны утѣшенія, я постараюсь доставить имъ оныя; можетъ быть, открывая мысли, толь давно меня занимавшія, вселю въ души ихъ, такъ какъ и въ мою собственную, сію сладостную тишину и сіе всецѣлое препорученіе себя неизмѣняемому изволенію Промысла. Вѣщаетъ сердце мое, а не разумъ мой ослѣпиться ищетъ.

Я видалъ людей, горько жалующихся на свои нещастія; видалъ людей, удостовѣряющихъ себя самихъ о нещастіяхъ своихъ; видалъ людей, человѣка нещастнымъ почитающихъ. Возможно ли, чтобы существовать не было великое благо? Мнѣ кажется, что нахожу я въ жизни

толико неоцѣненныхъ благъ, толико прямыхъ выгодностей, что за дарованіе мнѣ бытія не могу не благословити Промыслъ: благословите оный со мною, вы, всѣ живущіи; ибо вы благополучны, и я уповаю васъ въ семъ увѣрить.

Что бы разсудить о истиннѣ того, о чемъ утверждать въ семъ опытѣ потщуся, довольно будетъ только разсмотрѣть, какія суть тѣ нещастія, на которыя могутъ жаловаться люди, и какія суть блага, о которыхъ они радоваться долженствуютъ. Мы узримъ человѣка съ его слабостьми и немощьми; мы узримъ его со преимуществами его; услышимъ его жалобы, желанія его, его требованія, и исторгнемъ у него признаніе о благополучіи его и его неблагодарности.

Человѣкъ благополученъ, ежели число и цѣна благъ, коими онъ наслаждается, или наслаждаться можетъ, превосходятъ число и силу золъ, коихъ онъ избѣжать не можетъ: а сіе можно сказать о всѣхъ людяхъ. Есть напасти, одни другихъ гораздо болѣзненнѣйшія и печальнѣйшія; есть блага, одни другихъ гораздо драгоцѣннѣйшія; случается въ природѣ, что одно зло затушаетъ иногда чувствіе многихъ благъ, такъ какъ и единымъ благомъ множество золъ приводится въ забвеніе: есть благо, есть и

зло,

зло, которыя престают быть таковыми, ежели продолженіе оных бывает очень крапко, а иногда, ежели очень долговремянно. И так не по числу, а еще менѣе по продолженію наших зол и наших благ надлежит судить о благополучіи нашем: надлежит все разбирать и вѣсить еще больше, нежели счислять.

В началѣ истинных зол я полагаю преступленія и пороки; в началѣ истинных благ полагаю добродѣтель. Одни лиш преступленія могут учинить нас злополучными, одни пороки лиш могут огорчить дни наши. Человѣк совершенно благополучный был бы тот, который при многом просвѣщеніи, имѣл бы всѣ добродѣтели; котораго бы чистая и непорочная душа, и разум, от предразсудков и заблужденій очищенный, представляли образ Божества: нѣт смертнаго толико блаженнаго; есть слабости и заблужденія, с человѣчеством не раздѣлимыя; но есть много людей, кои подходят к подлиннику толь совершенному. Человѣк истинно щастливый был бы тот, который, зная сущность и важность своих должностей, попускался бы на всѣ преступленія и пороки; для котораго добродѣтель была бы таким злом, каковым есть дневный свѣт для больных очей. Естли

 бы

бы существо такого роду быть могло, я меньше бы хотѣлъ повѣрить тому, что всѣ люди суть благополучны, для того что люди между собою разнствуютъ очень мало, но такого существа нѣтъ въ природѣ. Между сими то двумя крайностями помѣстить всѣхъ людей надлежитъ; есть средоточіе, коего они никогда не достигаютъ; есть разстояніе, гдѣ всѣ они находятся, коль ни велико имѣется различіе между самымъ добродѣтельнымъ и самымъ порочнымъ изъ человѣковъ. Еще болѣе; нѣтъ такихъ людей, въ которыхъ бы находилось больше пороковъ нежели добродѣтелей; нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы больше привязанъ былъ къ пороку, нежели къ добродѣтели: преступленія не только суть рѣдки, но еще всегда раскаяніемъ возслѣдуемы бываютъ, а сіе и отнимаетъ у нихъ большую часть того, что гнуснаго они въ себѣ имѣютъ. Человѣкъ, разсматриваемый со стороны нравственной, есть благополученъ, потому, что число и сила золъ его, то есть число пороковъ и преступленій его, есть ниже числа и цѣны благъ его, то есть числа и цѣны добродѣтелей его: онъ бы могъ быть гораздо благополучнѣе; отъ него зависитъ уменшить безконечно число золъ своихъ. Человѣкъ, разсматриваемый со стороны физической, не можетъ такъ же соравнить золъ своихъ со блага-

ми

ми своими; толь много сiи превосходятъ оныя! изъ сего заключаю, что люди суть благополучны, хотя и не равна степень благополучiя ихъ, и что премудрѣйшiй есть самый благополучнѣйшiй.

Ежели въ началѣ сего опыта восхотятъ привесть меня къ воззрѣнiю на число пороковъ нашихъ, ежели представяпъ очамъ моимъ преступленiя, землю осквернявшiя; ежели исполнясь человѣконенавистныхъ мыслей знаменитаго Рошефукольта, восхотятъ предполагать въ человѣкахъ только порокъ господствующiй, а добродѣтели сомнительныя; то не входя здѣсь въ непристойныя разбирательства, отвѣтствую только, что я лучшее о людяхъ имѣю мнѣнiе; что мiръ, который бы населяли таковые люди, былъ бы мiръ недостойный изыйти изъ рукъ верьховныя Премудрости, недостойный быти хранимъ и управляемъ божественнымъ Промысломъ. Ежели бы больше было зла, нежели добра нравственнаго въ свѣтѣ семъ, то Богъ могъ ли и долженствовалъ ли бы извлечь оный изъ ничтожества? Но хотя бы и справедливо было, что пороки людей превышаютъ добродѣтели ихъ, но довольно того, что зависитъ отъ нихъ учиниться добродѣтельными, дабы можно было сказать, что должны они жаловаться только на самихъ себя, когда нещастливы:

кто может каждую минуту доставить себѣ такое благо, коего онъ не имѣетъ, тотъ за обладающаго онымъ почитается: недостаточествуемъ ли мы въ томъ, что получить въ нашей находится власти? Тѣмъ болѣе отъ насъ зависитъ учиниться добродѣтельными, что нѣтъ добродѣтели безъ свободнаго и просвѣщеннаго выбора.

Въ прочемъ, [и въ семъ то смыслѣ я взиралъ на вопросъ о благополучіи человѣческомъ] жалуемся, что мы нещастны, и приводимъ въ доказательство сему такія причины, которыя утверждаютъ противное: къ доказательству того, что нещастія, на которыя жалуются люди, не суть нещастія, что пути Провидѣнія суть пути премудрости, что дѣйствительное людей состояніе есть состояніе блаженное, и что отъ нихъ только зависитъ наслаждаться постояннымъ благополучіемъ; къ доказательству сихъ истиннъ, говорю, назначенъ опытъ сей.

Что бы утвердить истинны сіи, надобно будетъ сражаться много съ предразсудками; надобно будетъ обнаружить сущность прямыхъ благъ и сущность золъ прямыхъ: надобно будетъ показать цѣну преимуществъ, которыя отъ большей части людей ни за что почитаются, и многихъ другихъ маловажность, которыя въ излишнемъ у нихъ почтеніи; надобно

бно будетъ расторгать предразсудки, кои самымъ, кажется, чувствіемъ утверждаются, и сражаться съ ними, при помощи такого доказательства, которое великими людьми въ наши времена отвержено: коликій трудъ!

Я не пойду здѣсь въ *Оптимисмъ Лейбницевъ* искать всеобщаго доказательства утверждаемому мною, на которое ничего вопреки сказать не можно. Люди будучи толь мало общежительны, что не могутъ взирать безъ ропоту, когда частныя ихъ выгоды подчинены общему благу, могли ли бы взирать спокойнымъ окомъ на природу, раздѣляющую имъ нѣкоторыя напасти для того, что напасти сіи суть нужны въ планѣ лучшаго міра, какой только Богу избрать было можно? утѣшились ли бы они въ своихъ немощахъ тѣмъ вообраЖеніемъ, что оныя способствуютъ къ совершенству цѣлаго? Безъ сомнѣнія было бы тщетно утверждать для нихъ, что міръ сей, изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, есть наилучшій, и что слѣдственно ихъ состояніе есть возможное наилучшее; потому, что оно есть единое, приличествующее міру всесовершенному: они бы всегда думали, что ихъ желанія и страсти могли бы лучше согласоваться съ симъ прекраснымъ планомъ: можетъ быть нашлись бы и столь несмысленные люди, которые бы представили себѣ, что міръ сей

сей былъ бы лучшій, когда бы больше имъ нравился оный. Все есть добро, все, что ни есть, не можетъ быть инаково, не предположивъ въ Богѣ несовершенствъ, не приличествующихъ тому понятію, какое о Существѣ семъ имѣть долженствуемъ. Все есть добро, то есть, все что Богъ ни сотворилъ, такъ какъ и все, что ни случается людямъ, чего бы они избѣжать не могли, быти зломъ не можетъ. Но я охотно оставляю доказательство толь ощутительное для философовъ, я могу представить другіе доводы, на которые нельзя не согласиться.

Начнемъ изслѣдованіемъ золъ, на которыя жалуются люди, разсматриваніемъ благъ, которыхъ имъ недостаетъ, и которыхъ они желаютъ; разсматриваніемъ несовершенствъ, какія находятъ они во благахъ, которыми наслаждаются; окончимъ разсматриваніемъ безчисленныхъ преимуществъ, которыми снабдѣны они, и мы узримъ, что человѣкъ благополученъ.

Нещастія, коихъ люди избѣжать не могутъ, не суть прямыя нещастія, потому, что низпосылаются имъ оныя отъ самыя десницы Существа, хотящаго и могущаго учинить ихъ благополучными: нещастія, коихъ люди избѣжать могутъ, не суть прямыя нещастія, на которыя бы они имѣли право, или причину жаловаться. Колико жалобъ, единымъ размышленіемъ

емъ опровержденныхъ ! Но ближе разсмотримъ дѣло.

Безобразіе тѣла, слабое здравіе, печали и голодъ, нещастія, коихъ мы не всегда бываемъ причиною, и коихъ избѣгнуть не всегда отъ насъ зависитъ, могутъ ли огорчить дни наши до того, что бы мы увѣрилися, что жить есть зло?

Ежели есть толь мало возвышенныя души, которыя безобразіе тѣла полагаютъ въ число наивеличайшихъ золъ, то конечно нѣтъ такихъ, которыя бы, имѣя волю избирать, предпочли ничтожество бытію, сопровождаемому нѣкими сего рода немощьми. Безъ сомнѣнія прискорбно особамъ, рожденнымъ съ какими нибудь изъ сихъ невыгодъ, видѣть, что люди отдаютъ такую цѣну слабому преимуществу пріятнаго образа, страшатся болѣе тѣлеснаго безобразія нежели золъ вещественныхъ, и осмѣиваютъ иногда тѣхъ, коихъ не довольно надѣлила Природа: но зависитъ ли наше благополучіе отъ сихъ пустыхъ разсужденій, и будемъ ли жалчае отъ насмѣшки? Тотъ, кто рожденъ съ какою нибудь невыгодою сего рода, долженствуетъ изъ того состоянія, въ коемъ онъ находится, почерпать утѣшенія, удобныя привесть ему въ забвеніе отвращенія тѣхъ женщинъ, которымъ преимущества пола суть весьма нужны, и острыя шутки молодыхъ щоголей, го-

раздо суетнѣйшихъ, нежели самыя женщины, которыхъ суть они нещастные Кумиры. И такъ что нужды человѣку разумному, обществу, роду человѣческому, что тѣло наше совершенно сходствуетъ съ тѣмъ понятіемъ, какое мы учинили себѣ о образѣ, намъ нравяцемся, или что противу правилъ равномѣрности, противно оно тѣмъ, кои поставляютъ достоинство въ пріятностяхъ наименьше чувствительныхъ очамъ мудраго? Есть такіе малые умы, которые плѣняются только извѣстнымъ порядкомъ, уборомъ и наружностями, подобясь богачамъ, собирающимъ пышныя библіотеки, въ которыя случай помѣщаетъ безсмертныя творенія великихъ мужей, и въ которыхъ съ наивеличайшимъ тщаніемъ учреждаются переплеты и украшеніе; занимаются единою поверхностію. Сіе есть заблужденіе; но заблужденія людскія не могутъ учинить насъ благополучными.

Слабое здоровье такое ли зло, которое бы могло возмутить благополучіе наше? Можетъ быть мы были бы благополучнѣе, ежели бы оное не было подвержено немощамъ житейскимъ; но можемъ ли быть неблагополучны для того, что мы не столько благополучны, сколько бы желали? Сказалъ я, *можетъ быть*; ибо весьма справедливо, что здоровье очень твердое бываетъ часто причиною, или по-

крайней

крайней мѣрѣ случаемъ къ тому, что бы вдаваться намъ во всякія излишества. Тотъ, кто умѣетъ мыслить, не приходитъ въ отчаяніе отъ такихъ немощей, которыя онъ можетъ облегчить толь многими способами. Зло, на которое мы жалуемся, по большей части есть не что иное, какъ легкое лишеніе выгодностей, часто совторицею временемъ возвращаемыхъ; часто мы чувствуемъ зло только по тому, что долговременная привычка привязала насъ излишно къ такому благу, которое по существу своему отъ перемѣнъ не можетъ быть изъято: въ прочемъ, какую бы мы болѣзнь ни имѣли, но не страждетъ все тѣло наше, и естьли бы мы были справедливы, то страданіямъ нашимъ противоположили бы тѣ блага, коими наслаждаемся. Глухій не есть слѣпый, подагрою страждущій, не есть страждущій водяною болѣзнію; я не хочу отрицать, что подагра и глухота суть зло непріятное; но то отрицаю, что бы зло сіе и всякое другое, хотя бы мы и не своими безпорядками навлекли на себя оное, могло оправдать жалобы наши, и учинить насъ злополучными. Великая есть разность между *страдать* и *быть нещастнымъ*; сему то и не хотятъ люди вѣрить, когда страждутъ: я неудивляюсь, видя людей страстьми управляемыхъ; но удивляюсь, видя ихъ узниками наималѣйшія боли. Въ

напастяхъ

напастяхъ жизни, сколь бы болѣзненны оныя ни были, ежели способность мыслить у насъ отнята, то состоянїе въ коемъ находимся, есть состоянїе безпечности и нечувственности, такъ мы не страждемъ болѣе: а ежели остается въ насъ свобода мыслить, то можемъ найти причины къ утѣшенїю своему, нѣтъ никогда намъ въ оныхъ недостатку: тѣ, коимъ свобода сїя кажется несносною, и кои думаютъ, что размышленїе дѣлаетъ зло житейское болѣзненнѣйшимъ, подобны тѣмъ ратникамъ, которые будучи больше неистовы чемъ мужественны, нейдутъ прежде на сраженїе, пока вино не отниметъ у нихъ употребленїе разума. Нѣсколько простительно первымъ движенїямъ болѣзненности, но нельзя простить тѣмъ, кои вдаются въ отчаянїе до того, что попускаютъ надъ собою тиранствовать болѣзни, и не почитаютъ болѣе того, что есть драгоцѣннѣйшаго въ человѣкѣ. Что же скажемъ мы о тѣхъ, которые препроводивъ три четверти жизни своея, и не претерпѣвъ даже и легкихъ припадковъ, почитаютъ себя очень злощастными, когда слабость или потерянїе жизненныхъ духовъ дѣлаетъ ихъ не столь живыми, не столь чувствительными къ веселїю, и подверженными нѣкоторымъ слабостямъ? На мѣсто сихъ золъ, надежда, насъ никогда не оставляющая;

помощи,

помощи, отвсюду представляющіяся; утѣшенія, которыя доставить себѣ можемъ; то нѣжное участіе, родственниками и друзьями нашими въ разсужденіи насъ приемлемое; то предвозвѣстіе конца, насъ ожидающаго; тѣ средства, насъ въ себя самихъ приводящія; тѣ обстоятельства, толико способныя принудить насъ къ поданію руки помощи другимъ, такъ же, а часто и больше нежели мы, страждущимъ; тѣ доказательства, природою подаемыя о премѣнѣ благъ житейскихъ, и о неизреченной цѣнѣ непорочнаго поведенія; тѣ минуты, научающія насъ познавать людей, кои толь долго имѣли искуство скрывать истинныя свои чувствія; на мѣсто, говорю, житейскихъ немощей, всѣ сіи выгоды суть такія блага, которыхъ забывать не должно.

Недостатокъ, то состояніе, въ которомъ добродѣтель бываетъ иногда искушаема, истиннымъ бичемъ представляется людямъ. Былъ бы оный не столь гнусенъ въ очахъ ихъ, естли бы меньше любили они богатство и обиліе. Они желаютъ многаго, и желаютъ съ симъ жаромъ, который производитъ безпокойство прежде обладанія, не производя удовольствія во обладаніи. Ко стыду человѣчества, мы видимъ людей жертвующихъ своими веселіями, своимъ удовольствіемъ, покоемъ своимъ, часто своими

должно-

должностями и общественною пользою стяжанію такого добра, отъ коего получаютъ они только легкія выгоды, и кое причиняетъ имъ иногда зло существенное. Есть пособія противу бѣдности, но гордость наша отвергаетъ ихъ: такъ не все ли равно человѣку, что бы избыточествовать излишками, или имѣть только то, что подлинно нужно ко исправленію естественныхъ потребностей! Ахъ! Коль обширно есть нужное сіе, могъ бы я отвѣтствовать; люди никогда въ нужномъ не имѣютъ недостатка: не столь часто нищаго, со двора на дворъ бродящаго, мы слышимъ жалующагося на недостатокъ, сколько тѣхъ, коимъ непристойная суетность и безпредѣльныя желанія представляютъ состояніе посредственности, въ которомъ они живутъ, состояніемъ бѣдности и нещастія. Богатство доставляетъ, правда, пріятности не вѣдомыя для бѣднаго; но пріятности сіи суть ли самыя драгоцѣнныя выгодности въ жизни? Ежели оно порочнаго прикрываетъ отъ явнаго презрѣнія, при помощи низкихъ умовъ, коими земля исполнена; ежели оно не смотря на пороки и неправды его, доставляетъ ему особенное уваженіе, сіе печальное для благомысленнаго преимущество; какое зло происходитъ изъ того находящемуся въ бѣдности? Можетъ ли онъ завидовать участи человѣка, подлыхъ дру-

друзей только имѣющаго; человѣка, который ежедневно упоеваясь ядомъ похвалы, и еще болѣе ядомъ угожденія, готовитъ для себя наипечальнѣйшее будущее; до котораго весьма рѣдко достигаетъ истинна; который только имѣнію своему одолженъ друзьями своими, и который въ нѣдрахъ обилія находитъ, что онъ имѣетъ еще не довольно? О треблаженная посредственность, ты отвращаешъ отъ человѣка грубыя наставленія бѣдности, и плачевныя претнкновенія богатства! Но какъ сносить высокомѣріе и презоръ богатыхъ, коихъ изобиліе кажется зна́комъ преимущества! Рѣчь тщеславія, находящагося равно подъ рубищами какъ и посредѣ величествѣ: ваше зло состоитъ въ томъ, что вы безмѣрно желаете того, въ чемъ завидуете другимъ.

Печали, сіе души положеніе, въ которомъ человѣкъ почитаетъ себя злощастнымъ и въ нѣдрахъ безчисленныхъ благъ; въ которомъ онъ жалуется, золъ не имѣя; въ которомъ будучи всегда безпокоенъ и смущенъ, онъ не видитъ въ прошедшемъ кромѣ золъ, имъ претерпѣнныхъ, въ будущемъ, кромѣ золъ, его ужасающихъ, и въ настоящемъ кромѣ благъ, ему недостающихъ; печали, говорю, преобораютъ только тѣ слабыя души, надъ которыми разумъ не имѣетъ уже власти: благоразсудный укрѣпляется противъ напастей.

Наши

Наши печали весьма часто имѣютъ очень не чистый источникъ, *самолюбіе и несправедливость.* Естли бы мы удостовѣрили себя, что заслуживаемъ мало, что есть множество людей добродѣтельнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ нежели мы, то бы не стали мы думать, что природа насъ худо надѣлила; естли бы мы обратили вниманіе на свои истинныя выгоды, то не стали бы печалиться при сихъ малыхъ нещастіяхъ, служащихъ болѣе ко благу нашему, которое мы благомъ нещитаемъ. Безмѣрно будучи чувствительны къ *утратамъ* своимъ, и безмѣрно неблагодарны по содѣланіи оныхъ, мы не хотимъ находить въ потерянныхъ нами благахъ ни причины ко удовольствію, ни причины ко благодарности, а находимъ причину только къ ропоту. Благоразумно ли, справедливо ли жаловаться на то, что не всегда тѣми же выгодами наслаждаемся? Послѣ первыхъ слѣдуютъ другія: вмѣсто того, что бы почувствовать цѣну благъ своихъ, благъ ласкающихъ даже страстямъ нашимъ и вкусамъ, мы помышляемъ только о будущемъ, и лишеніе того, что намъ приносило удовольствіе, становится для насъ причиною неблагодарности и ропоту. То, что оскорбляетъ и печалитъ многихъ, долженствуетъ весьма часто казаться имъ добромъ, потому, что оное есть добро въ самой вещи. Женщина крушится

шится о тратѣ красоты своей, потому что она безмѣрно любила пустыя похвалы и выгоды, которыя не меньше суетны: число обожателей, превозносившихъ ее повсядневно, оставляетъ ее нынѣ, щасливую тѣмъ, что можетъ въ уединенiи своемъ исправиться въ погрѣшностяхъ и слабостяхъ своихъ! Честолюбецъ пораженъ немилостiю государя своего, придворные, искавшiе угождать ему, его тотчасъ оставляютъ, презираютъ даже, престолъ въ очахъ его есть источникъ болѣзнованiя. Колико благоразумнѣе бы было, естьли бы стараясь исправить погрѣшности свои, искалъ онъ заслужить почтенiе отъ общества, и доставить себѣ то щастiе, что бы самимъ собою быть довольнымъ, благо, которое у него отъято быть не можетъ, и которое превосходитъ всѣ блага въ жизни! Неблагопрiятство щастiя почти всегда есть первымъ шагомъ, но шагомъ принужденнымъ, ко премудрости.

Между живѣйшими печальми, можно наипаче считать печаль, причиняемую намъ врагами нашими чрезъ презрѣнiе и обиды. Стоики излишняго требовали отъ человѣчества; совершенная нечувствительность, хотя бы оная и была возможна, отняла бы у человѣка и добродѣтель и удовольствiе прощать: желанiе снискать почтенiе и любовь отъ людей,

дей, рождено съ нами: оно то дѣлаетъ насъ толь чувствительными къ обидѣ; но ежели человѣкъ чувствовать оную долженъ, то человѣкъ мудрый долженъ прощать оную. Презрѣніе наиболѣе несносно намъ иногда, когда мы доброе имѣемъ мнѣніе о тѣхъ, кои намъ оказываютъ оное: но человѣкъ честный безопасенъ отъ такого презрѣнія, къ коему бы онъ могъ прямо быть чувствителенъ; что касается до знаковъ презрѣнія, которые вырываются иногда у людей разсудительныхъ, но предупрежденныхъ; они причиняютъ такое зло, которое тотчасъ истребляется временемъ, и тою утѣшительною мыслію, что мы того не заслуживаемъ, легко приводится въ забвеніе; въ самомъ дѣлѣ, для чего печалиться человѣку, когда видитъ онъ себя презираема только отъ тѣхъ, отъ коихъ безъ сомнѣнія былъ бы почитаемъ, коль скоро ими узнанъ будетъ?

Весьма рѣдко случается, а сіе еще утѣшать насъ можетъ, что бы тѣ люди, которые принимаютъ видъ презрѣнія ко всему тому, что порицаютъ, не были сами въ себѣ очень презрительны. Люди не столько другъ отъ друга различествуютъ, что бы могли прикрывать всегда, а справедливѣе, всегда оправдывать тотъ пренебрегательный видъ, съ какимъ они говорятъ и судятъ другъ о другѣ.

гѣ. Коль желательно наконецъ увѣрить ихъ, что не презрѣніемъ надлежитъ сражаться съ заблужденіемъ и пороками! Человѣкъ гонимъ бываетъ презрѣніемъ, такъ какъ клеветою и несправедливостьми; а истинна равно какъ и добродѣтель отвергаетъ толь гнусную подпору, какова есть гоненіе. Всегда примѣчаемо было, что люди, имѣющіе наименѣе дарованій и разума, суть наисклоннѣйшіе презирать тѣхъ, кои оскорбляютъ ихъ, или не одобряютъ: рѣдко покрайней мѣрѣ бываетъ, что бы человѣкъ, другихъ обыкновенно презирающій, не имѣлъ много самолюбія, или много злости. Не великое есть зло въ томъ, что не можемъ избѣгнуть отъ сего рѣшительнаго тона, и сихъ пренебрегательныхъ видовъ; дай Боже, что бы сіе только и было зло, какое подобные люди могутъ дѣлать, и дѣлаютъ въ самой вещи! Еще въ томъ болѣе добра нежели зла находится, чтобъ быть подвержену насмѣшкамъ, злословію и презрѣнію тѣхъ, которые преданы только страстямъ своимъ: полезно быть ненавидиму и убѣгаему отъ сихъ порочныхъ, заражающихъ общество, или презираему невѣждами, безпокоющими оное; мудрый о тѣхъ и о другихъ сожалѣть долженъ, а иногда веселиться ихъ оскорбленіями. То, что частныя вражды могутъ навлечь на него отъ тѣхъ самихъ, кои признаютъ

его достоинство, есть зло, противъ коего удобно вооружить себя: благородное надъ собою усилїе въ разсужденїи врага нашего, намъ паки его возвращаетъ; все уступаетъ тихости: какой бы человѣкъ не повергъ кинжала тогда, какъ врагъ его обемлетъ его съ тѣмъ, что бы примириться? Чувствительность мудраго не есть страданїе; она есть чувствїе того, что съ нимъ случается.

Естли дѣлаетъ что обиду болѣзненною, то желанїе мщенїя и самолюбїе: новое доказательство того, что мы сами творцы страданїй своихъ. Тотъ, кто любитъ месть, никогда ненаходитъ оную по желанїю своему. Ахъ! коль жалокъ человѣкъ, ищущїй вредить болѣе, нежели ему вредятъ! Занятъ будучи ненавистїю своею, онъ никогда почти не бываетъ удовольствованъ; естьли и бываетъ, то всего опасаться ему должно: истребилъ ли онъ врага своего, совершенно ли мщенїе его? Внутрь самаго его востаетъ мститель злодѣянїй, тѣмъ ужаснѣйшїй, что нельзя противоборствовать оному. Желая мстить за себя, отмщеваемъ часто за врага своего. Человѣкъ, любящїй самаго себя и должность свою, ищетъ примирятися съ ненавидящими его; онъ защищается отъ зла, кое нанести ему хотятъ, только для того, что бы отвратить ударъ; сїе есть зло, кое готовятъ

вятѣ ему, и коего онъ избѣжать хочетъ; сіе не есть здѣлать зло; мщеніе не касается души его. Прощеніе обидъ изцѣляетъ страданіе, такъ какъ свѣточа разсыпаетъ наигустѣйшіе мраки; разумъ приходитъ на помощь слабостямъ человѣчества, онъ укрощаетъ движенія, востающія въ сердцѣ, излишно къ обидѣ чувствительномъ; оный есть Нептунъ, выходящій изподъ раздраженныхъ морскихъ волнъ, утишающій необузданные вѣтры, и возвращающій, со днемъ, радость въ сердца мореходцевъ. Мнѣ кажется, я вижу здѣсь изображеніе сего дѣйствія Бога всемогущаго, гдѣ рекъ онъ: *да будетъ свѣтъ*, и бысть свѣтъ: забывайте обиды, забвенное зло не есть уже зло; такъ что быть можетъ толь печальнаго въ обидахъ! Безмѣрность самолюбія причиняетъ намъ страданіе: сіе высокое почитаніе, какое мы о самихъ себѣ пріемлемъ, удостовѣряетъ насъ, что люди, съ коими живемъ, никогда не имѣютъ къ намъ довольнаго уваженія, вниманія и почтенія; сіе тщаніе, приемлемое нами о извиненіи слабостей нашихъ, и о прикрытіи недостатковъ нашихъ, сія добровольная слѣпота въ разсужденіи всего того, что худаго въ насъ находится, представляютъ намъ страннымъ то, что есть люди, полагающіе въ насъ нѣкоторыя несовершенства: самая точная справедливость,

а иногда похвалы со умѣренностїю приписанныя, намъ кажутся обидами: самаго низкаго ласкательства, уваженїя наименѣе заслуженнаго, вниманїя наименѣе должнаго осмѣливаемся требовать: человѣкъ почитаетъ себя за такого кумира, для коево фимїамъ всегда готовъ быть долженъ. Колико причинъ къ жалобамъ, вниманїя не заслуживающихъ! Васъ презираютъ, потому, что васъ не хвалятъ, вамъ не ласкаютъ? Коль жалки вы! Старайтесь заслужить почтенїе отъ общества, сїе есть прямое и единое средство учинить вамъ истинну прїятнѣйшею. Человѣкъ, имѣющїй много самолюбїя и много тщеславїя, всегда почти страждетъ; пороки сїи влекутъ за собою и наказанїе свое; при всемъ томъ оныя суть любимые людей пороки; толико справедливо, что люди худо разумѣютъ пользы свои: колико досадъ претерпимъ въ одинъ день, коихъ бы избѣжать могли, ежели бы мы были скромнѣе и справедливѣе; ежели случится, что люди васъ не почитаютъ, не любятъ васъ, то смотрите прежде нежели жаловаться станете, заслуживаете ли вы быть почитаемы и любимы: вамъ нельзя не знать, что почтенїе и любовь состоятъ не во власти людей; отказываются вамъ въ оныхъ только потому, что имѣть ихъ къ вамъ не можно. Есть надежное средство исторгнуть

у

у людей похвалу нравамъ нашимъ, свойству нашему, нашимъ дарованіямъ, нашему разуму, есть средство и снискать любовь. Вы, которыхъ верьховное достоинство не могло превознести выше зависти, повѣрьте, что подлая рѣвность сихъ червей, по земли пресмыкающихся, на несмысленныхъ хвалы свои истощевающихъ, и достойнымъ только въ оныхъ отказывающихъ, придаетъ больше сіянія добродѣтелямъ вашимъ. Естьли бы разсуждаемо было, что столь много находится удовольствія въ твореніи добродѣтели, въ снисканіи любви отъ людей благотвореніями, въ превозможеніи самаго себя, въ сохраненіи сладостнаго спокойствія въ душѣ своей, то легко бы увѣрилися, что презрѣніе и обиды суть весьма часто благомъ для претерпѣвающихъ, а зломъ для наносящихъ оныя: гораздо бы меньше жалѣли о себѣ, нежели о тѣхъ, отъ которыхъ оскорблены были.

Другъ, сынъ, отецъ, супругъ, любовникъ печалятся о потерѣ любимаго ими; движенія болѣзненностію внушаемыя, но которыя разумомъ умѣряемы быть должны: сіи утраты доказываютъ намъ благополучіе наше; печали наши суть омраченія нашея добродѣтели, коль скоро оныя въ насъ ропотъ возбуждаютъ. Для чего не приводить намъ съ благодарностію на память тѣхъ пріятныхъ минутъ,

 которыя

которыя доставляло намъ сихъ благъ наслажденіе? Умирающій можетъ сказать себѣ: я жилъ; лишающійся очей: я наслаждался зрѣніемъ; но въ сердцахъ неблагодарныхъ потеря добра есть во сто разъ болѣзненнѣе, нежели обладаніе онаго, привычкою нечувствительнымъ учинившееся, пріятности приносило.

Мы теряемъ друзей, но предметы отсутствующіе не суть ли потерянные для насъ предметы? Все состоитъ во мнѣніи; такъ должно ли мнѣніе рѣшить щастіемъ и нещастіемъ для душъ благоразумныхъ? Для чего мы печалимся? Для того ли, что предметъ, любимый нами, лишенъ жизни? Такъ жизнь есть благо, и симъ благомъ обладалъ другъ сей: такъ не трату ли бы свою мы оплакивали? Но сколько причинъ ко утѣшенію представляется тогда уму нашему? Пусть ліемъ слезы, когда держа въ объятіяхъ, любезныхъ друзей, нѣжную супругу, мы видимъ ихъ оставляющихъ то пребывалище, гдѣ споспѣшествовали они благополучію нашему; сіе есть врожденное дѣйствіе любви и сожалѣнія нашего; но ежели воспоминаніе о прошедшемъ бытіи ихъ исторгаетъ у насъ воздыханія и ропотъ, сіе есть дѣйствіе нашей неблагодарности и слабости весьма предосудительныя, потому, что оная добровольна: для чего не благословити Промыслъ за то, что мы имѣли

имѣли ихъ, вмѣсто того, что бы жаловаться за то, что ихъ неимѣемъ болѣе? Блага, отъ обладанія ихъ произходящаго, нѣтъ болѣе; зло, отъ потерянія ихъ произходящее, миновалось; а зло коего, нѣтъ болѣе, будетъ ли болѣзненно, когда и прошедшее добро не приноситъ намъ никакого удовольствія? „Какая жадность, „говоритъ Сенека, того человѣка, кото„рый, не видя никакой выгоды въ томъ, „что получилъ, находитъ только зло въ „томъ, что возвратить обязанъ. Надобно „быть неблагодарнымъ, что бы жаловать„ся на конецъ удовольствія; не смыслен„нымъ, что бы полагать въ число выгодъ „своихъ только тѣ выгоды, коими насла„ждаемся; тотъ, кто почитаетъ только „то, что имѣетъ, не помышляя о томъ, „что имѣлъ, *поставляетъ* весьма тесныя „предѣлы благу своему„. Однакожъ таковы суть люди: настоящее пособіе есть печальное пособіе, каждую минуту оно премѣняется въ прошедшее: вмѣсто того, что бы помыслить о семъ числѣ лѣтъ, которыя провождать будемъ безъ друзей, коихъ похитила у насъ смерть, помыслимъ о семъ продолжительномъ времени, которое мы препроводили съ ними. Обладаніе оными пріятно было, да будемъ благодарны: потерять ихъ сродно человѣчеству, утѣшимся; нужно было претерпѣть утраты сіи, наше прямое благополучіе

лучїе того требовало, такъ поищемъ въ утратахъ нашихъ причины къ веселїю, оная всегда найдется. Коль печальные совѣты!... Покрывайте смѣхомъ сїи толь истинныя понятїя, вы, которыхъ никогда не освѣщала премудрость, я сожалѣю объ васъ, и вамъ прощаю произведенїя ума безмѣрно горячего, ваши посмѣянїя меня не раздражаютъ, хотя бы и заставили меня удвоить слабыя усилїя.

Вы видите великодушнаго утѣшителя, къ вамъ приближающагося, онъ вѣщаетъ вамъ, онъ представляетъ вамъ сїи великїя истинны, какъ вы приемлете оныя? Слезы ваши умножаются, утѣшенїе вамъ отъ него приносимое, вамъ кажется новымъ зломъ. Вы лишились девяностолѣтнаго отца; думаете ли вы, что бы отецъ сей былъ благополучнѣе, естьли бы жилъ долѣе? Я зналъ все сїе, говорите вы, трудно воспомнить тѣ общїя мѣста нравоученїя; но надобно быть самому на мѣстѣ нещасныхъ, что бы судить о напастяхъ ихъ; поставляете ли вы себя на мѣстѣ ихъ, когда видите только нещастныхъ, коихъ участь есть гораздо горестнѣе вашей? Когда дѣло идетъ о другихъ людяхъ, мы несправедливы; а при собственныхъ утратахъ нашихъ приходимъ въ отчаянїе, и не являемъ сострадания и помощи тѣмъ, кои гораздо болѣе, нежели мы, страждутъ: вы жестоко сожалѣете

те, потерявъ дряхлаго старика, къ которому любовь была защитою противу обидъ времени, и вы не чувствительны къ утратѣ толикаго множества вдовицъ и сиротъ! Главы, гораздо любезнѣйшія отечеству, причиняютъ ли вамъ какое нибудь безпокойство? Ахъ! отвратимъ взоры наши отъ толь печальнаго изображенія.

Какіе тѣ должники, которые съ ропотомъ возвращаютъ то, что съ великодушіемъ въ займы дано имъ было! Слыша ихъ, скажешъ, что лучше бы никогда неимѣть выгодностей жизни, нежели имѣть оныя только на время: для чего не услаждались они своими родственниками, своими друзьями, для чего не взирали они на нихъ какъ на такія блага, которыя существовать нѣкогда престанутъ, и которыхъ отсутствіе быти зломъ не можетъ? Но недовольствуясь тѣмъ удостовѣреніемъ, что престать имѣть есть зло, они еще стараются мучить себя въ нѣдрахъ спокойнаго обладанія: они съ печалію помышляютъ о той минутѣ, которая разлучитъ ихъ съ возлюбленнымъ, не вѣдая того, кто первой удалиться долженъ. То, что вы любите, въ скорости оставитъ васъ, зло по видимому усиливается, подавайте всѣ возможныя помощи, старайтесь сохранить оное, усилія ваши справедливы и похвальны: но къ чему слезы

зы сіи? Преклоните ли вы судьбу? Премѣнятся ли вѣчныя опредѣленія? И узримъ ли какое чудо, противуставшее обыкновенному теченію природы? Тотъ, кто управляя кораблемъ, погибаетъ, стараясь оное спасти отъ кораблерушенія, есть человѣкъ благоразумный; онъ несмысленъ, когда оставляетъ кормило для того, чтобъ только лишъ стенати. Наши усилія включены въ число средствъ, которыя Богъ благоволилъ употребити; не зная слѣдствія, какое произведутъ оныя, мы не должны оставаться въ недѣйствіи; презрѣніе вторичнихъ причинъ есть столько же безумно, сколько забвеніе первыя причины есть нечестиво: слезы здѣсь излишны; то, что исторгаетъ печаль, то, что извиняетъ слабость, разумъ умѣрять долженствуетъ. Естьли бы слезы были естественнымъ слѣдствіемъ печальныхъ произшествій; то бы мы всѣ равно плакали; но какая разность! Все зависитъ отъ насъ, нашихъ началъ, нашихъ усилій: печаль наша не бываетъ никогда соразмѣрна слабости нашей: слезы суть облегченіемъ ума немощнаго: вы плачете, то есть, вы оскорбляете Божество, или не познаете онаго: сіи слабыя души, наивеличайшимъ зломъ низвергаемыя, плачутъ и стенаютъ только потому, что непрерывное послѣдованіе благъ ихъ разслабило, такъ какъ нѣга разслабляетъ мужество воина: онѣ суть чувствитель-

ствительны ко всему тому, что имъ не ласкаетъ; самопроизвольная слабость подвергаетъ ихъ такому злу, которое для благія души было бы только причиною, что бы съ болшею благодарностію вкушать благая жизни, и способомъ вкушать оныя съ большимъ удовольствіемъ.

Иногда примѣшивается къ сему отчаяніе, болѣзнь душевная, съ которою такъ же поступать должно, какъ съ тѣми лихорадками, которыя очень скоро пресѣкать опасно: тогда нѣтъ ничего силнѣе, какъ печаль, нѣтъ ничего слабѣе, какъ разсужденія самыя твердыя, и причины самыя побудительныя: тогда не внемлютъ болѣе гласу разума, совсемъ предаются скорби своей, и утѣшенія еще больше, нежели зла боятся. Коль много мужественныхъ ратниковъ, кои престаютъ быть таковыми, когда врачующая рука хочетъ коснутся ранамъ ихъ! Человѣкъ является послѣ героя.

Нещастное заблужденіе жизни человѣческія, мы ищемъ достоинства въ безмѣрной чувствительности! Какъ, говорите вы, чтобъ я забылъ друга! Память, которую вы сохранить объ немъ хотите, не будетъ долговременна, ежели памятовать объ немъ для васъ есть оплакивать его: благоразумно искать вознагражденія утратъ своихъ, безразсудно хотѣть найти пособіе злу сему въ усталости

чувство-

чувствовать оное. Но, и я всякой день о семъ слышу, облегчаютъ печаль свою, проливая слезы; въ слезахъ есть отрада. Я не скажу, что бы, при стесненіи сердца, причины единственно физическія не дѣлали слезъ нѣкоторымъ образомъ пріятными; я говорю здѣсь только о сихъ безпрестанныхъ рыданіяхъ о злѣ, коего нѣтъ уже болѣе, говорю о сихъ стенаніяхъ, возобновляющихся при каждой минутѣ для причиненія горести днямъ нашимъ. Наши слезы, будучи иногда весьма сумнительными знаками печали, доказываютъ благополучіе наше, ибо доказываютъ оныя, что наслаждались мы благомъ, коего обладаніе для насъ драгоцѣнно было. Весьма часто въ утратахъ нашихъ мы взираемъ только на частную свою выгоду: самыя достопамятности, воздвигнутыя въ честь великихъ мужей, слезы, пролитыя на гробницахъ ихъ, печальныя одежды и сѣтованіе были гораздо меньше почестьми, возданными добродѣтели ихъ, нежели сожалѣніями о томъ, чего мы лишились. Но сѣтованіе наше, хотя бы оно было слѣдствіемъ любви къ людямъ и добродѣтели, или произходило бы отъ любви пристрасныя къ намъ самимъ, есть всегда не справедливо. „Печаль, говоритъ Сенека, не только безполезна и опасна, „но есть еще доказательствомъ нашей „неблагодарности: кто умеръ, тотъ „жилъ;

„жилЪ; онЪ пришелЪ вЪ мірЪ сей, и шакЪ „ему осталось сЪ нимЪ расшаться. Жало„ваться о потерѢ друга, есть жаловать„ся на то, что другЪ сей былЪ человѢкЪ: „вЪ семЪ случаѢ мы всѢ разнствуемЪ ме„жду собою одними весьма кратками раз„стояніями. Естьли вы хотите уважить „сіе малое число золЪ, случающихся лю„дямЪ, то жизнь есть очень долга и для „самаго младенца, вЪ колыбели умира„ющаго: естьли краткость жизни васЪ со„крушаетЪ, то самый многолѢтный ста„рецЪ жилЪ безмѢрно мало„.

Я не спорю, прискорбны утраты сіи; но что было только садно, вы дѢлаете изЪ того рану: ваши предразсудки, пороки ваши, единственная причина сего печальнаго заблужденія, удостовѢряющаго васЪ, что изобильнаго пролитія слезЪ требуетЪ человѢчество, суть зло, коего бы вы избѢжать могли: во мнѢніи состоитЪ наипаче нещастіе ваше. Но, говорите вы, сіе любезное дитя, единственная надежда моя, скончался вЪ колыбели: болѢзнованіе ваше было бы таково же, естьли бы лишились вы его, днями и лѢтами отягченнаго: помыслите о тѢхЪ напастяхЪ, которыхЪ, можетЪ быть, онЪ васЪ избавилЪ и которыхЪ онЪ самЪ, можетЪ быть, избавился: фортуна кЪ нему была благопріятнѢе нежели ко многимЪ другимЪ; благая душа счисляетЪ не только блага, коими

коими наслаждаешся, но и напасти, коихъ она избѣжала. Столь много находится побужденій ко утѣшенію для тѣхъ, кои теряютъ что нибудь себѣ любезное, что нѣтъ ничего, можетъ быть, извѣстнѣе: каждой день мы слышимъ сіе мудрое разсужденіе, что умершіе были бы достойны сожаленія, естьли бы знали они чрезмѣрность нашей печали. Я вопрошаю васъ, за благополучіе ли почитаете вы жизнь, или за неблагополучіе? Ежели она есть благополучіе, то помыслите, что сей любезной предмѣтъ вашея скорби, жилъ, и не могъ жить ни всегда, ни долѣе: ежели же она не есть благополучіе, то будьте довольны, что онъ престалъ быть между нами; позавидуете ли вы ему въ томъ, что онъ намъ предшествовалъ? Воспомните о той Римлянкѣ, которая отвѣтствовала принесшему ей вѣдомость о смерти сына ея: *производя его на свѣтъ, я вѣдала, что умереть ему должно.*

Столь много мечтательнаго находится во мнимыхъ нещастіяхъ и печаляхъ нашихъ, что можно сказать, что мы есьмы единыя, или первыя причины золъ, на которыя жалуемся. Какими не занимаемся мы малостями? Досадный случай, желаніе ко удовольствованію неудобное, затрудненія, съ предположеннымъ намѣреніемъ встретившіяся, вотъ наши нещастія; блаженны, паче долженствуя случаю тѣмъ, чемъ

лучше

лучше бы было долженствовать нашей добродѣтели, надлежало бы намъ благословити Промыслъ, что не въ нашей было власти удовлетворить желанiямъ, мудростiю охуждаемымъ. Колико золъ, которыя не были бы для насъ таковыми, естьли бы мы того хотѣли! Умѣренность есть наказанiемъ человѣку невоздержному, а трудъ лѣнивому: куда бы ни обратились мы, всегда обвинять должны порокъ за то зло, на которое жалуемся. Ежели бы наши желанiя ограничивалися прямыми нуждами нашими, то бы мало золъ нашли мы въ жизни. Но за неимѣнiемъ золъ вещественныхъ, мы изобрѣтаемъ мысленныя; я такъ называю всѣ тѣ, которыя поставляемъ мы въ лишенiи нѣкiихъ преимуществъ, коими обладаютъ другiе, и въ потерянiи сихъ благъ, коими обладать могли мы только на время. Ежели не благодарно есть *жаловаться на свои утраты*, и *искать причинъ къ ропоту* въ сравненiи настоящаго своего состоянiя съ прошедшимъ состоянiемъ своимъ; то несправедливо и нѣсколько еще хуже, жаловаться на то, что щастiе къ намъ меньше, нежели къ другимъ благоприятно, и находить причины къ ропоту въ сравненiи нашего состоянiя съ состоянiемъ нѣкоторыхъ людей, въ коихъ не видимъ мы тѣхъ золъ, на которыя жалуемся, или въ коихъ полагаемъ тѣ преимущества, которыхъ мы

не имѣемъ. Ко стыду людей, признаться надлежитъ, что они были бы гораздо довольнѣе, естьли бы могли себя увѣрить, что съ другими людьми не лучше случается нежели съ ними: наше неудовольствіе всегда почти произходитъ отъ того, что мы другихъ людей почитаемъ щастливѣйшими, или не столь нещастными, какъ мы думаемъ; ежели бы могли мы навсегда оставить сей излишекъ самолюбія, первый источникъ золъ нашихъ, потому, что оное есть источникъ пороковъ нашихъ, и сію не чувствительность ко всему тому, что насъ не трогаетъ; то бы тотъ часъ изчезли жалобы наши, и мы бы въ произшествіяхъ жизни сея зрѣли только причины благословити Промыслъ: наше самолюбіе, несправедливость наша и холодность, какую имѣемъ къ большей части рода человѣческаго, заставляетъ насъ увеличивать зло наше, и благо жительствующихъ съ нами. Все для другихъ есть добро; въ глазахъ нашихъ щастіе для насъ истощилось: для насъ все есть зло; въ глазахъ нашихъ щастіе поступило съ нами какъ мачиха: не приключается намъ никакого зла, о коемъ бы мы тотъ часъ не подумали, что оное многимъ другимъ не приключилось; не приключается намъ никакого добра, что бы мы тотъ часъ не подумали, что каждой день многимъ другимъ

тимъ большія блага приключаются. Будьте справедливы, имѣйте любовь къ людямъ, и изчезнутъ бѣдствія ваши: все въ мірѣ семъ измѣряно: всякъ имѣетъ свое щастіе, всякъ имѣетъ свое нещастіе; не воображайте, что бы другіе люди были гораздо васъ благополучнѣе; а хотя бы и было такъ; но благополучіе ихъ умножитъ ли нещастія ваши, или уменшитъ ли оно число и цѣну выгодностей вашихъ.

Не ожиданное нещастіе, вѣчная причина жалобъ! Но для чего не ожидать онаго? Не довольно сего, что бы помышлять о томъ, что случается обыкновенно, но надлежитъ еще ожидать всего того, что случиться можетъ: нѣтъ нужды въ непріятеляхъ, что бы имѣть чего нибудь опасаться; самое благоденствіе можетъ быть причиною прискорбія для не осторожнаго. Ничто изъ произходящаго въ свѣтѣ не долженствуетъ удивлять человѣка благоразумнаго, и не можетъ казаться несправедливымъ человѣку мудрому; гдѣ чрезвычайное тамъ, гдѣ все въ союзѣ? Гдѣ несправедливость тамъ, гдѣ все способствуетъ ко благополучію нашему? Жаловаться на непредвидѣнныя нещастія есть или жаловаться на то, что не знаемъ будущаго, или безвременно льститься до послѣднія даже минуты. Ежели бы то, что приключается симъ слабымъ душамъ, было великимъ зломъ,

не должно ли быть выгодностїю для нихъ то, что бы приключилось имъ тогда, какъ они сего не ожидаютъ? Для сихъ робкихъ умовъ, предвидѣнныя нещастїя суть ужаснѣе нещастїй, ими претерпѣваемыхъ. Но великїя и истинныя нещастїя опечаливаютъ только тѣхъ, кои не хотѣли избѣжать оныхъ: что касается до малыхъ превратностей жизни, оныя могутъ и долженствуютъ быть предвидѣнны; для чево отвращать очи отъ того, что насъ предувѣдомляетъ, для чево ласкаться невредимостїю, коея мы желать должны, но коея имѣть намъ не возможно? Ежели благоразумно предвидѣть превратности жизни, не благоразумно однакожъ искать въ неизвѣстности будущаго причинъ къ страданїю и печали. Мы должны ожидать огорченїй, что бы приуготовить себя къ постоянному снесенїю оныхъ, а не для того, что бы стенать отъ оныхъ заранѣе. Противорѣчїе въ поведенїи людей, они болѣзнуютъ о нещастїяхъ будущихъ и неизвѣстныхъ, а не хотятъ приуготовить себя къ произшествїямъ извѣстнымъ, могущимъ постигнуть и удручить ихъ по ихъ оплошности; крайности равно предосудительныя; хотя легко избѣжать оныхъ можно, однако видимъ людей повсядневно въ оныя попадающихся; они жалуются, что нечаянно постигнуты, между тѣмъ какъ весьма часто любопытствуя безумно о

буду-

будущемъ, ищутъ даже призраковъ, что бы имѣть чего страшиться. Сны, предчувствія, естественные знаки естественныхъ произшествій, сіи химеры, которыя должны быть изгнаны изъ среды народа, наставленнаго самымъ Богомъ, возмущаютъ еще покой людей, хотящихъ быти благоразумными: мы видимъ между собою такихъ, которые съ движеніями страха и надежды прибѣгаютъ для совѣта къ людямъ, употребляющимъ во зло легковѣріе народа: ужасающее сновидѣніе изъ устъ во уста прелетаетъ, дѣлается предметомъ наиблагоразсуднѣйшихъ бесѣдъ: сперва смѣются оному, наконецъ страшатся, и всегда ввергаютъ въ юныя сердца такія сѣмена, которыя произращаютъ весьма худые плоды.

Что въ печаляхъ нашихъ находится больше мнимаго и мечтательнаго нежели вещественнаго, сіе доказываетъ то, что люди ни сами съ собою, ни съ другими несогласны въ цѣнѣ нѣкоторыхъ преимуществъ, и въ степени страданія, съ нѣкоторыми невыгодностями соединеннаго. Что на нѣсколько времени составляетъ наше удовольствіе, къ тому вскорѣ становимся нечувствительны; мы часто даже забываемъ, что претерпѣваемое нынѣ нами безъ ропоту, казалось намъ не за долго весьма суровымъ. Въ разсужденіи сего человѣкъ со дня на день

премѣняетъ мнѣнїе; премѣнялъ ли бы онъ такимъ же образомъ оное, естьли бы невыгодности жизни человѣческiя составляли толь великое зло? Съ другой стороны, сколько различествуютъ между собою люди въ понятiяхъ, о щастiи и нещастiи ими составляемыхъ! Сколько есть такихъ, которые смерть предпочитаютъ обидѣ, и укоризну въ порокахъ самыхъ предосудительныхъ укоризнѣ въ чемъ нибудь смѣха достойномъ! Между людьми столько есть предразсудковъ, что не дивно видѣть въ нихъ оные въ разсужденiи пункта сего; но дивно то, что они признавая нелѣпость предразсудковъ сихъ, поступаютъ однакожъ такъ, какъ будтобъ въ заблуждении находились. Сколько есть людей, кои всякой день преступаютъ такiя начала, о которыхъ они сумнѣваться не могутъ, и преступаютъ оныя, не бывъ сильною страстiю къ тому побуждаемы! Откуда происходитъ сiя толь бѣдственная несообразимость?

То, что называемъ зломъ, совсемъ не есть зло: скажемъ лучше, что большая часть удовольствiй нашихъ составляетъ зло для тѣхъ, кои безмѣрно прилѣпляются къ онымъ. Вы претерпѣли великую боль; но васъ излѣчить надлежало, и боль была нужнымъ средствомъ ко облегченiю вашему; язва безъ боли есть зло весьма опасное, боль увѣдомляетъ

объ

объ опасности; оная есть первое добро, вамъ приключающееся послѣ полученной вами раны: оная руку врача сопровождаетъ. Вы любезныхъ друзей лишились, вамъ надлежало самихъ себя приуготовлять къ смерти: ничто столько не ознакомливаетъ съ смертію, какъ утрата того, что намъ любезно. Димитрій справедливо говаривалъ, что *нѣтъ нещастнѣе того, кому никогда ничего печальнаго не приключалось*: такой человѣкъ не имѣлъ времени испытать себя. Ежели добродѣтель толико способствуетъ къ нашему благополучію, то какъ бы могли мы утвердить для себя сіе сокровище, естьли бы нещастіе не увѣдомляло насъ о томъ, что имѣемъ, или о томъ, чего недостаетъ намъ? Человѣкъ честный, множество напастей пренесшій, есть герой, покоящійся на лаврахъ, собранныхъ посредѣ опасностей. Бѣды суть спасительныя лѣкарства, нѣкую горесть въ себѣ заключающія; а удовольствія суть часто ядъ, нѣкую пріятность имѣющій. Да лобзаемъ съ восторгомъ десницу, насъ иногда разящую: блаженный ударъ, благодатное нещастіе! Ты, которое между множествомъ благъ, чувствуемыхъ нами, помѣщаешъ нѣкія минуты горести, дабы воспрепятствовать намъ забыть себя въ удовольствіи и щастіи, ты единое довольно къ доказательству того, что

есть премудрый Промыслъ. Размышленіе, долженствующее утѣшать всѣхъ людей въ напастяхъ ихъ, состоитъ въ томъ, что все природою вещей производимое, не можетъ быть зломъ, коль скоро положимъ во Творцѣ природы сея премудрость, не больше ограниченную, какъ его могущество и благость. Весьма ли удивительно, что мы не всегда видимъ частное добро, изъ зла произходящее? Глаза наши безмѣрно слабы. Число и цѣна благъ нашихъ, оныхъ потребность, средства, которыя имѣемъ ко избѣжанію множества золъ, ко отнятію отъ всѣхъ горести ихъ, ко умноженію числа благъ нашихъ, и къ возвышенію степени удовольствія, чувствуемаго въ наслажденіи оными, суть причины, жалобы наши охуждающія. При злѣ находимъ всегда и пособіе; премногія вещи погубить насъ, премногія спасти могутъ: большая часть нашихъ золъ доказываетъ бытіе благъ нашихъ. Да будемъ толико справедливы, признаемъ всю Божественную благость; дабы не сказали о насъ того, что говаривалъ Сенека о людяхъ своего времени: *я много нахаживалъ справедливыхъ къ другимъ, а къ Богамъ справедливыхъ не нахаживалъ.*

Естьли нещастія имѣютъ свою пользу, естьли оныя суть даже нужны, а иногда необходимы, то возможно ли, чтобъ

выше

выше силъ человѣческихъ было переносить оныя мужественно? Мы удобнѣе бы переносили оныя, ежели бы того хотѣли: надлежитъ лишъ предположить себѣ конецъ, и взирать на случаи жизни въ ихъ прямомъ видѣ. Есть въ душѣ нашей нѣкая сила, способная всего хотѣть, надлежитъ только представить ей побужденія, она рѣшится всегда на то, что лучшимъ ей кажется, но человѣкъ ослѣпляется: и такъ должно лишъ его наставить, или паче открыть ему тѣ понятія, которыя онъ непрестанно удаляетъ отъ своего разума. Когда душа наша просвѣщенна, она удобно приемлетъ привычку сопротивляться своимъ желаніямъ, доколѣ возъимѣетъ время, разсмотрѣть вещи ближе и разсудить о томъ, что есть наилучшее. Въ семъ то состоитъ свобода; величайшая свобода не разлучна отъ высочайшаго степени познанія. Все зависитъ отъ того затверделаго разсужденія, какое имѣемъ о случающемся съ нами, и ослучающемся съ другими: одно размышленіе прогоняетъ страхъ, возвращаетъ радость вдыхаетъ мужество, подаетъ силы; безъ сего, мужество наше не иное что есть, какъ нѣкоторый родъ зверскаго неистовства. Размышленіе творитъ дѣйствія наши справедливыми; самыя превосходныя дѣянія суть ничто, ежели не суть плодомъ разсудка. Когда смягчаемся только

слезами и воплями, когда потребны великія нещастія и нещастія чувствительныя къ возбужденію жалости нашея, когда побуждаемся не отступною прозьбою больше, нежели желаніемъ благотворить, то можемъ ли почесться добродѣтельными? Наши слабости могутъ ли быть вмѣнены за добродѣтели? Сострадание тогда не иное что есть, какъ добродѣтель махинальная. То же разумѣть надобно о сей душевной крѣпости въ бѣдствіяхъ житейскихъ; чтобъ быть оной достойною человѣка, не надлежитъ ей быть дѣйствіемъ нѣкоего рода нечувствительности, насъ къ животнымъ приближающія; надлежитъ происходить ей отъ размышленія и разума. Отъ того, что не входимъ часто въ самихъ себя, не помышляемъ о томъ концѣ, для коего мы рождены, что не отдаемъ должной цѣны благамъ и преимуществамъ жизни, не разсматриваемъ прилѣжно золъ, на кои жалуемся; отъ того, что не размышляемъ о настоящемъ состояніи и о состояніи будущемъ, толь трудно намъ утѣшать себя въ бѣдствіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда возмущаемся угрозами, когда страшимся зрѣлища какого нибудь печальнаго сопровожденія, когда ужасаемся золъ, когда трепещемъ отъ неблагопріятства фортуны, и прискорбныхъ слѣдствій щастія, то можемъ ли жаловаться съ справедливостію

ведливостію на то, что не въ силахъ мы пренести бѣдствія жизни? Мы ничего не здѣлали для отвращенія сихъ малыхъ прискорбій, и для отнятія изъ нихъ того, что могутъ оныя имѣть въ себѣ горестнаго. Тотъ, кто зритъ не двигаясь, надъ собою паденіе старыхъ стѣнъ, не можетъ жаловаться на то, что погибаетъ подъ развалинами: въ жизни человѣческой надлежитъ употреблять собственныя силы, а не дѣлаться невольникомъ обстоятельствъ, въ которыхъ находишся. Въ печали и нещастіи надлежитъ меньше думать о томъ, что страждемъ, нежели о томъ, что дѣлать должно: не надобно уступать времени, въ томъ состоитъ величество души, что бы не попустить себя отчаяться отъ нещастія; въ томъ состоитъ весьма извѣстная любовь къ самому себѣ, что бы укрѣпиться противу онаго: и таковыя усилія не выше силъ человѣческихъ. Катонъ показалъ свѣту, что онъ могъ и жить и умереть, не уступая щастію. Никто никогда не видалъ въ немъ премѣны нравовъ, свойства или поведенія, сколь не великія преобращенія претерпѣло государство. Преторъ ли онъ, или достоинства сего лишенный, предводитель ли войскъ, славою увѣнчанный, или весьма несправедливо обвиняемый, при смерти ли, или во цвѣтѣ юности своей, въ нѣдрахъ мира, или посредѣ

средѣ возмущенiй, коими республика была колеблема, Катонъ былъ всегда одинаковъ. Между тѣмъ какъ съ одной стороны видимъ былъ Кесарь возслѣдуемый десятью побѣдоносными легiонами, а съ другой Помпей, просящiй помощи у чужестранца, Катонъ, которому всего надлежало бояться, твердъ и непоколебимъ остался. Здѣсь видимъ былъ народъ, новостiю увлекаемый, тамъ вельможи недоумѣвающiи, посредѣ оныхъ Сенатъ, при приближенiи войскъ ослабевающiй, при извѣстiи о побѣдѣ ползающiй, и воздымающiи главу тогда, какъ воюющiе удалялись: Катонъ же, не бывъ примѣчаемъ и внемлемъ, оставилъ свѣту примѣръ непорочныя добродѣтели. Естьли побѣдитъ Кесарь, то смерть ожидаетъ его, а ссылка опредѣлена ему, естьли Помпей разобьетъ Кесаря; онъ обоихъ ихъ сводилъ между собою; онъ внушалъ имъ гласъ справедливости и разума; онъ презрилъ смерть и ссылку, и далъ себѣ ту и другую. Да не скажетъ кто, что смерть помрачила славу его; чего избѣжалъ онъ умертвивъ себя? Виденiя торжествъ Кесаревыхъ? Онъ не страшился ихъ; мало льстился онъ честьми, а еще меньше завидовалъ тѣмъ, кои имѣли оныя. Онъ игралъ мячемъ, въ тотъ самой день, какъ изгнанъ былъ изъ Сената: онъ рѣвновалъ только по своей добродѣтели. Зрѣли его ведущаго побѣдоносные

носные войска чрезъ пески Африканскія, и преходящаго горы съ останками побѣжденнаго войска, онъ всегда былъ Катонъ. Безъ сомнѣнія не многіе достигаютъ сея высокія степени спокойствія и мудрости, но кого въ томъ обвинять должно, естьли не самихъ себя? Не довольно быть неустрашимымъ, справедливымъ, благоразумнымъ, мудрымъ въ великихъ случаяхъ; надлежитъ проводить жизнь свою во упражненіи сихъ добродѣтелей, и заимствовать оныя отъ началъ своихъ. Блаженъ тотъ, кто не имѣетъ нужды вооружаться каждую минуту противу страховъ и бѣдствій жизни, но кто можетъ спокойнымъ окомъ взирать на восходящую и упадающую на себя бурю! Сколь ни приятна тишина послѣ бури, но есть ничто въ сравненіи сея непремѣняемыя безопасности, которая есть плодъ добродетели и истинны.

Слыша людей толь горько жалующихся на претерпѣваемыя ими бѣдствія, кто бы повѣрилъ, что смерть трепетать ихъ заставляетъ? Нѣтъ ничего истиннѣе, и ничего несправедливѣе. Не уже ли смерть есть зло и зло величайшее тѣхъ золъ, которыя мы сносимъ въ теченіи жизни? Съ какой стороны я ни взираю на оную, ничего не нахожу въ ней, что бы насъ устрашать могло: смерть, хотя бы пришла прервать удовольствія наши,

хотя

хотя бы полагала конецЪ бѢдствiямЪ нашимЪ, хотя бы окончевала труды старца, тяжестiю лѢтЪ удрученнаго, или заблужденiя юности уповающiя на силы свои, хотя бы остановляла человѢка созревшаго, или воспящала младенцу изходить изЪ состоянiя невинности, смерть для всѢхЪ людей есть исполненiе намѢренiй Промысла; она есть для нѢкоторыхЪ то, что даруетЪ природа ихЪ желанiямЪ; она есть наипаче приятна тому, кому извѢстенЪ конецЪ ея; блаженна для того, кому приключается она прежде, нежели желалЪ ея, и такЪ, что ея нестрашится. Смерть есть благо, и жизнь такожде; благо долженствуетЪ имѢть свои предѢлы, смерть и жизнь имѢютЪ сiе общее; онѢ стремятся кЪ тому же концу, смерть и жизнь суть не разлучны: жизнь есть первый шагЪ, который мы дѢлаемЪ кЪ благополучiю; смерть есть послѢднiй; раждаясь, мы приближаемся кЪ сей минутѢ, коея страшимся по слабости; и дни умножающiе вѢкЪ нашЪ суть шаги, кЪ оной насЪ приближающiе. Ежели бы смерть была зло, то она была бы зломЪ только вЪ ту минуту, когда умираемЪ: но минута сiя неспособна кЪ сожалѢнiю: можетЪ быть человѢкЪ, которой бы умирая боялся смерти, еще не родился. Что бы смерть почитать зломЪ, то надлежало бы взирать на жизнь, какЪ на цѢпь нещастiй, еже-

минутно

минутно умножающихся, и по жизни сей ожидать только золЪ гораздо превосходящихЪ тѣ бѣдствія, которыя вЪ семЪ свѣтѣ мы претерпѣли: жизнь была бы на подобіе бури, которая подымается, когдѣ жить начинаемЪ, и которая бунтуетЪ тѣмЪ сЪ большею силою, чемЪ долѣе она подымалась. Ежели жизнь есть единственное благо, намЪ бываемое, то смерть, будучи концемЪ оныя, была ли бы зломЪ? Ежели мы пользуемся только настоящимЪ, то послѣднiй день жизни нашей вЪ чемЪ бы различествовалЪ отЪ всѣхЪ другихЪ дней? Что я говорю! ВЪ чемЪ послѣдняя минута жизни различествовала бы отЪ наилучшихЪ дней нашихЪ? Та мысль, что благо жить окончится, можетЪ огорчить наслажденіе души благоразумной? Но ежели по жизни сей есть другія блага, то посмотримЪ, чего намЪ ожидать должно.

НадлежитЪ намЪ умереть: сЪ симЪ договоромЪ намЪ жизнь дарована; да не жалуемся; несправедливо бы было почитать жестокими договоры благодѣянія. ВойдемЪ вЪ самихЪ себя, и вопросимЪ, что бы мы зделали, ежели бы отЪ насЪ потребованЪ былЪ совѣтЪ прежде нашего рожденія: отвергли ли бы благодѣяніе для того, что благодѣяніе сіе продолжится только на время? Пожелали ли бы, чтобЪ не положено было предѣловЪ тому, что долженствуетЪ имѣть оныя, дабы добромЪ

возмогло

возмогло быти? Положимъ, что бы угодно было Богу создать такую душу, которая бы могла себѣ представить состоянїе мїра, и которой бы Онъ предоставилъ свободу избирать между ничтожествомъ и бытїемъ: сїя душа примѣтила бы другїя души, съ тѣлами сопряженныя, узрѣла бы она, что тѣла суть орудїя, духамъ предѣльнымъ нужныя, что утѣхи суть облегченїя, существамъ сего рода потребныя, что чувства суть органы, то есть, пособїя, чрезъ которыя душа примѣчаетъ то, что произходитъ внѣ оныя, что свѣтъ сей есть дѣло могущества, благостїю и премудростїю управляемаго, что мїръ сей можетъ доставить наипрїятнѣйшїя минуты уму, разсматривающему оный, что бѣдствїя и невыгодности жизни суть тени потребныя къ картинѣ, которая была бы несовершенна за неимѣнїемъ теней, такъ какъ и за неимѣнїемъ красотъ вещественныхъ; что благополучїе наше въ нашихъ рукахъ находится; что уравненїе того, что оскорблять можетъ, есть однакожъ таково, (разсуждая о концѣ, для котораго сотворены люди,) что жизнь была бы благомъ и для того, въ кѣмъ все погибло бы съ тѣломъ; что ослѣпленїе, въ коемъ бываемъ мы въ разсужденїи свойства истинныхъ благъ и истинныъ золъ нашихъ, не навсегда продолжается; что въ сихъ мрачныхъ

чныхъ мѣстахъ есть разстоянія освѣщенныя; что есть время, въ которое навсегда прерывается очарованіе, что не ослѣпляться полезно намъ, и въ нашей состоитъ власти. Въ такомъ положеніи, душа сія безъ сумнѣнія на сей землѣ обитать пожелала бы. Хотя бы Промыслъ имѣлъ другіе способы ко учиненію насъ благополучными, хотя бы оный могъ создать только тварей совершенно благополучныхъ, хотя бы могъ избавить жизнь человѣческую отъ малаго числа золъ, въ ней находящихся, но довольно, что избралъ оный, дабы имѣть намъ причину быть довольными. Промыслъ благоволилъ, чтобъ мы существовали, и такъ существованіе наше есть благо относительно къ намъ самимъ, и относительно ко всему; мы пожелали бы существовать, естьлибъ возможно было вопросить насъ о семъ прежде рожденія нашего; и такъ жизнь есть благо для каждаго, безъ пристрастія разсуждающаго; а ежели жизнь есть благо, то смерть не можетъ быти зломъ, потому что смерть есть послѣдняя минута жизни. Наконецъ люди поспѣшаютъ даровать бытіе дѣтямъ, коихъ они любить будутъ; коль безчеловѣчные родители, естьли они удостовѣрены, что смерть есть великое зло, а жизнь исполнена горести!

Надлежитъ умереть; но мы умираемъ очень скоро. Ежели есть зло, что бы жить малое число лѣтъ, въ томъ надлежитъ намъ жаловаться на самихъ себя: мы искали того, что природа сокрыла отъ глазъ нашихъ; мы исторгли у нея то, въ чемъ намъ отказывала; излишества и страсти наши изчерпали пособія ея. Вы страшитесь смерти, и смерти скоровременной, между тѣмъ какъ ищете быть только движущимся трупомъ, и еще сіе было бы зло легкое, естьли бы душа ваша была лучшею. Вы жалуетесь на слабость вашего сложенія, употребивъ всѣ способы къ разслабленію онаго: по законамъ ли естества живете вы? Заря восходитъ, а вы еще спать ложитесь, солнце оставляетъ горизонтъ, что бы дать мѣсто глубокому мраку, а васъ утѣшаютъ факелы ваши, и день еще у васъ начинается; жаръ солнечный почти уже проходитъ, какъ вы на свѣтъ открываете глаза свои. Для чего премѣняете естества порядокъ? Или боитесь вы имѣть что нибудь общее съ простымъ народомъ? Но знайте, что истинныя блага ваши суть тѣже самыя, коими простый народъ можетъ также, какъ и вы, наслаждаться. Пустые виды, изнѣженные нравы, закоренелые пороки, ужасающіе предразсудки, обольщающее высокомѣріе, увлекающія страсти, се руки ископавшія пропасть,

пасть, се то, что дало намъ крылья, дабы лѣтѣть ко гробу: да порицаемъ послѣ его природу въ томъ, что ограничила она дни наши. Часто страхъ смерти ускоряетъ смерть нашу: сколько больныхъ, для которыхъ спокойствїе духа есть наилучшее лѣкарство! Не уже ли столь трудно успокоить себя въ семъ случаѣ? Мы видимъ наигрубѣйшихъ людей, съ бодростїю на смерть идущихъ: храбрый воинъ нимало не уважаетъ жизни своей, и часто неустрашимости своей не имѣетъ другїя причины, кромѣ смутнаго понятїя о славѣ, коею онъ не наслаждается: уже ли дымъ сей имѣетъ надъ людьми столь много власти, а разумъ столь мало? Не уже ли души сїи, чистымъ свѣтомъ не освѣщаемыя, имѣютъ толико бодрости, что бы презирати смерть, между тѣмъ какъ разсужденїе о насъ самихъ и разумъ просвѣщеннѣйшїй не могутъ заставить насъ взирати на смерть безъ страха и смущенїя? Мы боимся смерти потому, что мы не дѣлали никакого усилїя надъ нами самими. Но не довольно, что бы умирать безъ трепету, надлежитъ еще, дабы то, что ободряетъ насъ противу страховъ сихъ, было побужденїемъ достойнымъ человѣка; надлежитъ, дабы мы умирали, помысливъ о томъ, что то есть умереть, и не возмутясь отъ той минуты, которая всего нашего внимания достойна.

 Надле-

Надлежитъ умереть; но мы умираемъ очень скоро: довольно ли помышляемъ мы о томъ, что говоримъ, когда упрекаемъ природу въ томъ, что ограничила она дни наши болѣе, нежели мы надѣялись? Различествуетъ ли смерть въ одно время отъ того, что она есть въ другое? Меньше ли она страшна, когда похищаетъ старика, нежели тогда, когда похищаетъ человѣка въ веснѣ дней его? Ежели, съ одной стороны, умирающїе во цвѣтѣ возраста своего, имѣли меньше времени прилѣпиться ко скоропреходнымъ благамъ жизни, ежели они меньше слабостей уносятъ съ собою, ежели съ меньшею жалостїю жизнь оставляютъ; то съ другой стороны состарѣвшїеся имѣли больше времени исправиться отъ своихъ заблужденїй. Зрѣлый возрастъ есть, можетъ быть, такой возрастъ, въ которомъ всего труднѣе умереть безъ горести. Въ разсужденїи однихъ, должайшая жизнь учинила бы ихъ, можетъ быть, порочнѣйшими; въ разсужденїи другихъ, кратчайшая жизнь не оставила бы имъ времени войти въ самихъ себя. Здѣсь невозможно проникнуть намѣренїй Промысла: довольно того, что зависитъ отъ человѣка, довольно, что въ краткомъ теченїи времени, намъ даннаго, имѣемъ больше благъ нежели золъ, и благъ неоцѣненныхъ; довольно, что всего лучше есть родиться,

и

и всего лучше послѣ сего умереть. Люди должны лишь употреблять блага свои, они поставлены въ такомъ мірѣ, гдѣ преступленія и пороки суть единыя средства, могущія учинить ихъ злощастными.

Намъ нѣтъ причины сожалѣть о томъ времени, въ которое насъ не было; то время, въ которое насъ уже не будетъ, намъ не принадлежитъ болѣе: мы не воздыхаемъ о томъ, что не родились скорѣе, такъ будемъ ли воздыхать о томъ, что не умираемъ пожже? Дозволительно ли человѣку разумному жаловаться на предѣлы, предписанные удовольствіямъ и благамъ его, ежели свойство удовольствій и благъ сихъ требуетъ предѣловъ, и ежели предѣлы сіи, больше или меньше распространенные, не могутъ ни умножить, ни уменшить его благополучія? Ежели что дано ему, то дано то, чемъ онъ наслаждаться долженъ; его желанія не долженствуютъ простираться далѣе должнаго и возможнаго.

Но что скажемъ о злощастіяхъ общенародныхъ? Язва, война, голодъ, землетрясенія! Какъ, Лисабонъ уже ли благополученъ подъ развалинами своими? Сіи поля, трупами и умирающими покрытыя, сіи оставленныя сироты, сіи вдовицы безутѣшныя, сіи земли, опустошенныя зломъ, ничего нещядящимъ, коль печальное зрѣлище! Такія возглашенія ничего не доказываютъ:

зываютъ: отрицалъ ли кто когда, что сіи небеснаго гнѣва бичи суть зло? Надлежитъ только знать, страждутъ ли люди, не смотря на сіи страшныя произшествія, и люди видящіе страданіе великаго числа гражданъ, благополучны ли суть: не нужно знать долженствуемъ ли быть чувствительны къ бѣдствіямъ общенародныхъ; не они обыкновенно всего чувствительнѣе трогаютъ: сіи суетные возглашатели, часто печалясь болѣе о потерѣ того, что бы они любить могли, нежели о сихъ общенародныхъ бѣдствіяхъ, которыя съ холодностію выставляются ими предъ глаза наши, слушали можетъ быть объ оныхъ, не испуская вздоховъ. Общенародныя бѣдствія отъ обыкновенныхъ въ жизни нещастій разнятся только числомъ претерпѣвающихъ зло сіе: сіе сходство можетъ и долженствуетъ еще умножить страданія сихъ нещастныхъ гражданъ, но оно не умножаетъ зла въ немъ самомъ. Люди, погибшіе подъ развалинами, суть люди умершіе; ежели смерть, приключающаяся многимъ вдругъ людямъ, не есть зло большее, нежели смерть похищающая ихъ нечувствительно одного послѣ другаго, то можетъ ли она быть большимъ зломъ, когда бываетъ сопровождаема нѣкоторыми чрезвычайными произшествіями? Горестно ли умирать посредѣ всеобщаго смятенія, когда не горестно

умирать въ нѣдрахъ всенароднаго спокойствія? Земля, разверзающаяся подъ нашими ногами, въ ужаснѣйшемъ ли видѣ представляетъ смерть, нежели плачевное приуготовленіе, окружающее больнаго, свѣтъ оставляющаго? Богатства, подъ землею погребенныя, суть блага погибшія, и безъ которыхъ обойтиться можно: грады испроверженныя суть основанія разрушенныя, и которыя возстановить можно. Но страждетъ отечество, оно во узахъ, страшный непріятель угрожаетъ оное совершеннымъ паденіемъ! Помогите оному, естьли можете, слезы ваши изнуряютъ ваше мужество, и не умягчаютъ ни судьбы вашей, ни судьбы согражданъ вашихъ. Отечества ли вашего бѣдствія исторгаютъ у васъ воздыханія? Вы страшитесь, можетъ быть, только для васъ и друзей вашихъ? Война приводитъ васъ въ трепетъ, потому что вы трепещете, представляя себѣ потерю имѣній вашихъ: нѣкоторыя уменшенныя удовольствія, страхъ нужды, сынъ подверженный опасности, супругъ, сражающійся за государя своего, вотъ что васъ смущаетъ! Вы оплакиваете побѣды государя своего, ежели вамъ оныя стоили нѣкоторыхъ родственниковъ или друзей; тысящи людей, кои погибли, оставивъ по себѣ вдовъ и сиродъ безпомощныхъ, не стоятъ вамъ ни слезы, вы дали бы еще тысящи оныхъ, для спасенія того,

го, что вамъ любезно: и такъ вы говорите о бѣдахъ, вами не несомыхъ. Ахъ! колико несправедливости между людьми, когда дѣло идетъ объ общественномъ благѣ! Гдѣ то живое участвованіе, какое должно принимать во благѣ общества? Гдѣ тѣ усилія, какія должно употреблять ко умноженію онаго? Люди относятъ обыкновенно все къ самимъ себѣ; любочестіе, гордость и сребролюбіе суть тиранны, ихъ мыслить заставляющіе, и рѣшащіе привязанностію ихъ; отечество было бы беззащитно, естьли бы страсти сіи не могли быть затушаемы при служеніи оному; многіе граждане упоеваются веселіями въ недостойной праздности потому, что или нѣтъ имъ случая удовольствовать какую нибудь страсть свою, или имѣютъ они такія жалобы, которыя никогда не освобождаютъ гражданина отъ должностей, коими обязаны къ отечеству своему. Что мнѣ нужды, говорятъ они, что мнѣ нужды, что такое добро приключилось отечеству моему; или такое зло не приключилось ему, я буду ли отъ того благополучнѣе? Прилично ли послѣ сего людямъ симъ жаловаться на злощастія міра, или на злощастія отечества ихъ, злощастія, которыя въ союзѣ произшествій міра сего способствуютъ ко прямому благу рода человѣческаго. Сіи великіе и печальные случаи, трогающіе людей

чувстви-

чувствительнѣе нежели обыкновенныя бѣдствія жизни, приводятъ ихъ паки къ должностямъ съ большимъ успѣхомъ. Посмотрите на людей во время нещастія, и вы узрите, что Божественная премудрость управляетъ сими произшествіями, гдѣ Божественная благость, кажется обыкновеннымъ умамъ, что оставляетъ ихъ злому ихъ жребію. Почто простираетеся предъ олтаремъ тогда, какъ буря шумитъ надъ главами вашими? Развѣ тогда только Божество призываемо быть долженствуетъ? Что могутъ предъ онымъ молитвы сіи, сіи обѣты, страхомъ исторгаемыя, страхомъ внушаемыя? Такъ бѣдствія только приводятъ вамъ на мысль того, кто создалъ міръ, и кто управляетъ онымъ? Вы забываете его въ недрахъ благоденствія, благодѣянія ослѣпляютъ васъ, не большія бѣды жизни не имѣютъ иногда надъ вами никакого дѣйствія, для васъ потребны бѣдствія общенародныя: сіе есть пособіемъ противу развращенія человѣковъ.

Есть такіе люди, кои всегда жалуются; неудовольствіе ихъ оказывается при каждой минутѣ, нѣтъ ничего такого, чего бы они не охуждали; мы въ разсужденіи ихъ нимало не колеблемся, мы довольно признаемъ неправость ихъ, да и самихъ ихъ увѣрить въ томъ не трудно. Безъ сомнѣнія прискорбно для нихъ, что

 нахо-

находятъ они мало причинъ къ веселїю и удовольствїю; но вопросите ихъ, весьма ли рады они жизнь оставить, и вы узрите, что они суть такїе люди, которые презираютъ богатства, а продали бы самую истину, ежели бы можно имъ было. Они любятъ веселїе, и нигдѣ не находятъ онаго, скука повсюду слѣдуетъ за ними, алкая наслаждаться, они наслаждаются безъ удовольствїя. Вы видите ихъ посредѣ искомыхъ ими увеселенїй, безпокоющихся о томъ, что заутро будутъ они дѣлать: они умираютъ со скуки, и трепещутъ отъ скуки слѣдующаго дня; принося въ собранїя сей печальный и безпокойный видъ, окончанїя дня съ нетерпеливостїю ожидаютъ; бѣгутъ изъ одного мѣста въ другое съ такимъ лицемъ, на коемъ радость и веселїе никогда почти не видны; они проводятъ время свое въ отвращенїи отъ настоящихъ увеселенїй, въ злословїи увеселенїй прошедшихъ, и въ безпокойномъ желанїи такихъ веселостей и благъ, коими наслаждаться не будутъ. Строгїе нравоучители иногда презираютъ прїятность тѣхъ сладостныхъ минутъ, какїя вкушаютъ другїе съ толикимъ удовольствїемъ. Я видалъ, что сїи недовольные и мрачнаго нрава люди отравляютъ самыя невиннѣйшїя увѣселенїя; они суть такїе человѣконенавидцы, кои не могутъ иногда терпѣть самихъ себя, потому

что занимаясь зломъ, въ жизни бываемомъ, они видятъ и свои пороки и свои беззаконія: потребны имъ сіи глупыя востorженія, сіи иступленія разума, для прерванія безпокойства ихъ и разгнанія скуки ихъ. Какая можетъ быть причина зла сего? Не станемъ искать оныя нигдѣ, какъ развѣ въ порокахъ самолюбія и празности. Приводя все къ самимъ себѣ, люди дѣлаютъ изъ себя печальнаго кумира, коему, желаютъ, что бы все пожертвовано было: излишно доброе мнѣніе, принятое о самихъ себѣ, заставляетъ ихъ усматривать во всемъ имъ случающемся, только самую вопіющую несправедливость, и во всемъ томъ, что другимъ случается, слѣпое благоприятство щастія; зависть, сіе чудовище, дщерь самолюбія, терзаетъ душу ихъ; въ благоденствіи согражданъ своихъ они видятъ лишъ причины къ своему страданію, и величайшія ихъ преимущества теряютъ въ глазахъ у нихъ цѣну свою, потому что желанія ихъ простираются далѣе, и ихъ требованія никогда не имѣютъ предѣловъ. Праздность есть другая причина сего, желчи исполненнаго, нрава, который отравляетъ дни сказанныхъ нами людей; упражненіе есть мать удовольствія, оно уменшаетъ страданіе, и заставляетъ провождать дни наши такъ, какъ будто бы они сплетены были изъ злата и шелку: нещастливъ тотъ,

тотъ, кто принужденъ изыскивать тысячу малостей для наполненія своего времени, и для забвенія о бытіи своемъ! Дни для него весьма долги, а теченіе лѣтъ весьма стремительно, потому что довольное продолженіе времени намъ кажется краткимъ, когда не имѣемъ ничего, что бы напоминало о прошекшемъ времени, и что малое продолженіе времени намъ кажется долгимъ, когда память наша представляетъ намъ ту нетерпѣливость, съ какою мы ждали, что бы протекло оное. Тысячи не большихъ невыгодностей жизни не примѣчаетъ тотъ, кто умѣетъ занимать себя, и увеселеніе послѣ труда сладосно, потому что бываетъ оно сопровождаемо тѣмъ внутреннымъ чувствіемъ, которое одобряетъ дѣла наши, и потому что не потеряло ничего непрестанною привычкою. Тотъ кто любитъ людей, кто часто смиряется, кто много занимается, тотъ не можетъ ни чувствовать скуки, ни жаловаться на свое положеніе. Приключается доброе людямъ, мнѣ знакомымъ, отъ жестокихъ болѣзней они избавляются, отъ великихъ опасностей, они благоденствуютъ, какая причина родости для души моей! Они имѣютъ нужду въ моей помощи, какое для меня счастіе, когда могу имъ быть полезенъ! Я не пользуюсь такими выгодами, какія они имѣютъ, но чувствую, что я не заслу-

заслужилЪ ихЪ, и могу обойтиться безЪ нихЪ; я ихЪ столько люблю, что не позавидую имЪ во благахЪ, мнѣ ПромысломЪ не ниспосланныхЪ; я ихЪ столько почитаю, что не могу порицать щастія больше кЪ нимЪ нежели ко мнѣ щедраго; я столь мало цѣню мое достоинство, что не жалуюсь на судьбу свою: я провождаю дни мои вЪ ученіи, я вижу успѣхи и добро, кое творю; сЪ моими упражненіями мѣшаю минуты праздныя, я ихЪ посвящаю обществу, невинныя увеселенія жизни, иногда любовь вселяютЪ вЪ душу мою радость, дни мои протекаютЪ вЪ тишинѣ и непорочности; теченіе мое совершается такЪ, что я не испыталЪ, чтобЪ жизнь была очень долга, когда еще я жить думалЪ, или чтобЪ она была очень кратка, когда вижу себя при концѣ моемЪ.

Сказанное мною не клонится ко охужденію скуки, чувствуемыя иногда посредѣ самыхЪ обыкновенныхЪ собраній: не возможно, чтобЪ человѣку разумному пріятны были сіи давные и всегда повторяемые разговоры: вЪ смѣхЪ обращены бесѣды благоразумныя, и даже бесѣды полезныя: на мѣсто педантисма прошедшаго вѣка, вошло злословіе и пустословіе: уже ли нѣтЪ посредства между сими крайностями? Ежели сіе есть *употреблять во зло разумЪ и говорить по чувствію*, такЪ какЪ весьма смѣшно изъясняются; то не во сто

ли

ли разъ прискорбнѣе видѣть молодаго человѣка, безпрестанно обращающагося въ большемъ свѣтѣ, и не научающагося мыслить? Какое нынѣшняго вѣка воспитанїе для молодыхъ людей! Обучаютъ ихъ обыкновенно только тому, чего не знать хорошо бы было. Что пользы въ самомъ дѣлѣ, танцовать съ прїятностїю, играть на многихъ инструментахъ, имѣть искусство забавлять общество самыми пустыми разговорами, естьли малыя сїи преимущества сопровождаемы бываютъ пороками, естьли не знаемъ того, что знать необходимо нужно? Мы часто видимъ людей, очень мало увеселяющихъ общество, въ которомъ живутъ они: разумъ и здравой разсудокъ не заключается въ сихъ глупостяхъ малопорядочнаго воображенїя, въ сихъ городовыхъ исторїяхъ, гдѣ всегда какой нибудь честной человѣкъ страждетъ, въ сихъ злобныхъ о поведенїи другихъ замѣчанїяхъ. Естьли скука снѣдаетъ васъ въ сихъ обществахъ, то я васъ поздравляю: но вы очень жалки, естьли повсюду оная слѣдуетъ за вами. Можно избѣжать ея, и не трудно найти веселїе въ обществѣ нѣкоторыхъ людей.

Что скажемъ о тѣхъ, которые, что бы дать лучшїй видъ своему неудовольствїю, не престаютъ вопїять противъ заблужденїй и пороковъ вѣка? Они увеличиваютъ предметы, слабости людскїя имъ кажутся

кажутся пороками, а пороки злодѣяніями; они приписываютъ развращенію сердца человѣческаго такія дѣйствія, которыя при всей своей порочности, не могутъ быть приписаны, какъ только нещастливымъ минутамъ, страстьми раждаемымъ. Но, не извиняя или оправдывая здѣсь людей, на что могутъ жаловаться сіи цѣнители естества человѣческаго? Ежели они на самое Божество относятъ сіе, то посмѣютъ ли порицать оное за дарованіе бытія порочнымъ? Или на людей возлагаютъ? Какой конецъ быть можетъ жалобъ, на сіе ими творимыхъ? Ежели хотятъ они чрезъ то доказать злополучіе разумныхъ тварей, то дерзнутъ ли приписать оное Существу всесовершенному? Я не могу повѣрить, что бы ослѣпленіе и дерзость ихъ могли простираться толь далеко: я паче думаю, что обвиняютъ они только людей за злодѣянія и пороки, въ обществѣ господствующія: но да помыслятъ они, что зло сіе можетъ быть избѣгнуто, и было бы всегда избѣгнуто, естьли бы люди больше любили прямыя свои выгоды.

Есть люди порочные, я не спорю, есть такіе, кои способны ко всѣмъ злодѣяніямъ: ежели вы въ томъ сумнѣваетесь, то посмотрите на законы и уложенія наши, тѣ вѣчныя стыда нашего знаменія; вы въ нихъ узрите на каждой

страницѣ

страницѣ доказательства реченнаго мною, вы тамъ найдете, что надлежало исторгнуть клятву, потому что надѣяться не можно было; вы тамъ найдете, что менѣе на вѣрность вашу, нежели на подписаніе полагались. Нынѣ вошло въ свѣтъ обыкновеніе принимать свои предосторожности, то есть, вошло обыкновеніе предполагать людей способными къ преступленіямъ, которыя закономъ охуждаются.

Правда, что злыхъ опасаться должно, но ихъ опасаться должно наипаче тѣмъ, которые очень боятся утраты славы своей, своего имѣнія и жизни своей. Мы часто обманываемся, естьли смотримъ на притворныя лица: есть люди, наружность человѣколюбія имѣющіе, а душа ихъ безчеловѣчія исполнена: но зло, какое намъ могутъ причинить злые, есть зло весьма легкое: надлежитъ остерегаться ихъ, предупреждать, ежели можно, и помышлять о своей должности. Я не говорю, что бы не было такихъ людей, которые, кажется, и рождены къ тому, что бы вредить: въ жизни человѣческой есть тысячи вещей, на которыя нельзя приносить жалобъ предъ судилищами, а должно сносить терпѣливо: есть тысячи вещей оскорбительнѣйшихъ еще, на которыя нельзя жаловаться предъ людьми наисправедливѣйшими: есть притворные

обороты,

обороты, отъ самой мрачнѣйшей злости происходящїе, и часто закрывающїеся покрываломъ правосудїя и вѣры: есть удары, искусно наносимые: есть исполненные яда разговоры, въ которыхъ чистосердечїе, ревность ко благу общему, любовь къ истиннѣ, и прилепленїе къ вѣрѣ, кажется, не уступаютъ другъ другу, и въ которыхъ кромѣ злости ничего не находится. Я видалъ людей, которые имѣютъ всѣ преимущества на своей сторонѣ, которые всеобщимъ гласомъ одобряются, между тѣмъ какъ они, будучи крайняго презрѣнїя достойны, вселяли въ меня нѣкоторый ужасъ. Есть даже услуги опасныя; но зло сїе, сїи невыгодности суть таковыми только для тѣхъ, кои другимъ причиняютъ оныя.

Признаюсь, что чемъ больше было бы въ свѣтѣ добродѣтели, тѣмъ были бы мы благополучнѣе; но постараемся наипаче сами быть добродѣтельными: примѣръ есть лучше всѣхъ наставленїй, онъ научаетъ больше нежели правила, совѣты, выговоры: порокъ принужденъ бываетъ сокрыться, когда примѣчаетъ сїянїе добродѣтели; и естьли начинаетъ онъ страшиться оказать себя, то уже много надъ нимъ выиграно: человѣкъ, стыдящїйся пороковъ своихъ, здѣлалъ первый шагъ къ добродѣтели. Тѣ, которые съ такою строгостїю осуждаютъ людей,

имѣютъ пороки ихъ; и будучи часто порочнѣйшими нежели тѣ, коихъ не престаютъ они увеличивать погрѣшности, скрываютъ иногда подъ видами безпорочныя добродѣтели, чувствія самыя низкія и самыя подлыя, сіи строгіе судьи, ничему не прощающіе, бывъ призваны къ суду, не имѣли бы иныя защиты, кромѣ слѣпаго милосердія: есть въ свѣтѣ и добродѣтели; для чего же оныя не причиняютъ имъ столько радости, сколько пороки людей кажутся причинять имъ страданія? Но ихъ неудовольствіе есть не столько дѣйствіе прямыя любви къ добродѣтели, какъ ужасное удовольствіе осуждать другихъ.

Хотя не могу не согласиться въ существованіи золъ сихъ, однако мнѣ кажется, нахожу я въ человѣкѣ основаніе добродѣтели, которая превышаетъ пороки его: всегда есть добрая сторона для людей, наивиновѣйшими кажущихся: естьли неможно оправдать ихъ, ихъ извиняютъ, естьли извинить не можно, то покрайнѣй мѣрѣ уменшаютъ ихъ погрѣшности. Не нужно употреблять для сего ложъ, обманъ, или тѣ извѣстнѣйшія въ судахъ и другихъ мѣстахъ способы; довольно судить людей такъ, какъ бы судили мы друга, коего найти невиннымъ хочемъ. Легкомысліе однихъ, другихъ невѣжество, страсть сихъ, искушеніе, коему сіи подвержены

вержены были, бѣды, развлеченія, добрыя намѣренія иныхъ, въ другихъ надежда не повредить; суть причины, могущія защищать тѣхъ людей, коихъ хотѣли бы вы судить, а я хотѣлъ бы оправдать. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ сія нѣкоторыхъ людей склонность, что бы полагать въ другихъ гнусныя побужденія, и выводить изъ поведенія ихъ слѣдствія вредныя славѣ ихъ, ихъ нравамъ, или ихъ вѣрѣ. Кто не знаетъ, сколько люди суть не осмотрительны? Колико кратъ случается намъ говорить, что не сіе было намѣреніе наше? Такъ помыслимъ, что и всѣ люди тоже сказать могутъ: колико мы виновны, когда подъемля надмѣнную главу свою, судимъ людей и осуждаемъ! Не зная почти всегда тѣхъ обстоятельствъ, въ коихъ они находились, мы по крайнѣй мѣрѣ долженствовали бы воздержать судъ нашъ; нѣтъ причинъ, нѣтъ даже видовъ къ поданію намъ сего права, о которомъ и послѣднѣйшій изъ человѣковъ, то есть, виновнѣйшій спорить съ нами можетъ. Да взираемъ на вещи иначе, нежели водится въ свѣтѣ. Остережемся осуждать толь скоро тѣхъ, коихъ видимъ поступающихъ вопреки началамъ, за извѣстныя нами почитаемымъ: худое дѣйствіе не есть доказательствомъ худаго сердца, такъ какъ доброе дѣйствіе не есть доказательствомъ добраго сердца: совершается приговоръ

надъ людьми, общимъ гласомъ осужденными, не памятуя того, что нѣтъ ничего обманчивѣе, какъ наружность и народныя разсужденія: кто никогда не похищаетъ имѣнія другихъ, но во сто кратъ дѣлалъ худшее, спитъ въ покоѣ, между тѣмъ какъ ведется на казнь человѣкъ виновный, правда, въ преступленіи, но можетъ быть способный къ самымъ изящнымъ дѣйствіямъ. Можетъ быть мало есть людей, скончавшихъ жизнь на ешафотѣ, кои бы не имѣли достоинства и добродѣтели больше, нежели толикое множество людей, кои чрезъ все теченіе жизни своея, не имѣли чего страшиться ни отъ гласа общаго, ни отъ руки мірскія. Разбойникъ, погибающій въ ужаснѣйшихъ мукахъ, больше ли здѣлалъ зла, чемъ толпа развратныхъ, лишающихъ великаго числа гражданъ свое отечество, чемъ толпа злословцевъ и клеветниковъ, общество заражающихъ, чемъ толпа людей, законопреступныя руки на олтари подъявшихъ, чемъ люди питающіеся кровію невинныхъ жертвъ, и позволяющіе себѣ толико тайныхъ дѣйствій, ужасъ наводящихъ?

Люди, въ нѣкоемъ видѣ разсматриваемые, могутъ казаться иногда гораздо злѣйшими, нежели суть они въ самомъ дѣлѣ. Ежели захотимъ объ нихъ судить только по нѣкоторымъ дѣйствіямъ, по нѣ-

некоторымъ

которымъ желанiямъ, и по нѣкоторымъ разговорамъ, то найдемъ ихъ виновными въ самыхъ мрачнѣйшихъ злодѣянiяхъ. Дабы въ томъ увѣриться, разсмотримъ людей, живущихъ съ нами въ обществѣ, но разсмотримъ ихъ тогда, какъ возбуждаются они господствующею своею страстiю, какъ страсть сiя заставляетъ ихъ дѣйствовать: ставъ узниками таковаго бѣшенства, непроницаемая завѣса покрываетъ ихъ, разумъ или умолкаетъ, или не внемлетъ болѣе; чувствованiя чести, благонравiя, вѣры, на нѣсколько времени удаленныя, оставляютъ человѣку только чувствiе страсти его: не мѣсто здѣсь изъяснять, какимъ образомъ преобращенiя сiи производятся въ душѣ нашей, сiе отвлекло бы отъ предпрiятаго мною намѣренiя; довольно лишъ показать оныя, дабы можно было чрезъ то изъяснить, какимъ образомъ возможно бываетъ увеличивать безмѣрно пороки людскiе. Я видалъ многихъ, кои исполнены чувствiй наидостойнѣйшихъ души разумныя, кои къ истинному благочестiю присоединяютъ тысячу общественныхъ добродѣтелей, друзья человѣковъ, служатъ имъ со удовольствiемъ; но престаютъ быть добрыми людьми, когда оскорбленное ихъ самолюбiе, или ихъ имѣнiе какихъ нибудь жертвъ требуетъ. Человѣкъ, который не былъ злохулителемъ, здѣлается клеветникомъ въ разсу-

 жденiи

жденіи того, кто могъ оскорбить его славолюбіе; мы ежедневно сіе видимъ. Естьли хотимъ судить о людяхъ по симъ весьма рѣдкимъ случаямъ, то очень мало найдемъ изъ нихъ, кои бы не были достойны величайшаго презрѣнія. Ревность, гордость, сребролюбіе, зависть, источники толь многихъ злыхъ дѣйствій, наши добродѣтели помрачающихъ, суть такіе пороки, которые, на подобіе ядомъ исполненныхъ напитковъ, помрачаютъ отъ времени до времени разсудокъ нашъ, и наводятъ на насъ такія минуты, въ которыя мы кажемся весьма злыми. Мы тогда позволяемъ себѣ и желанія, и дѣла такія, отъ которыхъ бы мы пришли во ужасъ, естьли бы были хладнокровны: сіи страсти упоеваютъ душу; такъ остережемся растравлять оныя и въ другихъ, и да не судимъ о людяхъ тогда, какъ они имѣютъ толь мало власти въ томъ, что дѣлаютъ: по крайнѣй мѣрѣ сіе дѣлать не намъ прилично. Человѣкъ сильною страстію движимый уподобляется весьма много человѣку, помѣшанный мозгъ имѣющему: влечется ли предъ судилища бѣсноватый, который самъ, что дѣлаетъ, не знаетъ? Люди имѣютъ въ жизни много минутъ бѣшенства и ослѣпленія.

Или на ненаказанность пороковъ жаловаться будемъ? Признаюсь, что муки и казни могутъ способствовать ко

учиненїю людей добродѣтельными : желательно безъ сумнѣнїя , что бы милость и снисхожденїе не были подпорою страстей ; но когда случится , что злый избѣгнетъ наказанїя , толико имъ заслуженнаго , то какое намъ зло изъ сего произойти можетъ? Въ прочемъ, хотя онъ укроется отъ гоненїй правосудїя , но не укроется отъ угрызенїй совѣсти : сколь бы ни далека была опасность , но къ злодѣю она весьма близка : такъ въ природѣ устроено , что онъ самъ опровергаетъ ненаказанность, возмущающую насъ. Дивны суть пути Промысла ! Оный со всѣми дѣйствїями нашими соединилъ тайный судъ , коего избѣгнуть намъ весьма трудно.

Но безъ сумнѣнїя скажутъ мнѣ , что слѣдуетъ однакожъ изъ сказаннаго мною то , что есть люди злощастные , хотя бы только одни порочные были злощастны. Я сего то никогда и не отрицалъ: прибавлю только то, что не слѣдствїя , какїя естественно влекутъ за собою преступленїя и пороки чрезъ все теченїе жизни человѣческой , составляютъ нещастїе тѣхъ , кои предаются симъ преступленїямъ и порокамъ: напротивъ, сїи слѣдствїя , которыя кажутся вредными, и не суть таковыми , служатъ лѣкарствомъ отъ тѣхъ золъ , коимъ люди добровольно себя подвергаютъ. Безславїе , одно изъ тѣхъ

тѣхъ страшилищъ, обществами для безопасности своей изобретенныхъ, сіи внѣшнія знаки общенароднаго негодованія, сіи уничиженія суть средства удобныя ко истребленію зла, противъ коего съ обыкновеннымъ оружіемъ сражаться безполезно. Осужденникъ, бывъ толико щаслив, что примѣромъ служитъ своимъ согражданамъ, и находитъ средства дѣйствительнѣйшія къ своему исправленію, долженствуетъ взирать на строгость правосудія какъ на нѣчто такое, что могло случиться съ нимъ самаго щасливаго: полагается конецъ его злодѣяніямъ, которыя можетъ быть продолжились бы долгое время, приводится онъ въ положеніе способное возродить въ немъ тѣ чувствія добродѣтели, которыя иногда совершенно не затушаются. Тѣ, кои видятъ въ семѣйствѣ своемъ подверженныхъ безславію, долженствуютъ быть гражданами: нѣтъ уже тамъ союза, когда идетъ дѣло о пользѣ общей и пользѣ добродѣтели: жалѣю объ нихъ, но въ горести своей они имѣютъ пособія, и то, что имъ приключается, есть не безъ утѣшенія, есть ни великое зло, ни зло, лишающее ихъ благъ, коими они наслаждаются. Будучи чувствительными къ пользамъ тѣхъ, кои имъ любезны, долженствуютъ взирать съ радостію на дѣсницу правосудія, вооружающуюся противъ такихъ людей, для коихъ бы мило-

милосердіе было даръ самый пагубнѣйшій. Дай Боже, что бы пороки сіи, сіи дѣла и сіи склонности, которыя не доводятъ до наказанія, но которыя столь же суть безчестны, какъ и самыя гнусныя злодѣянія, страшились толико же строгихъ казней! И такъ не только сожалѣть о тѣхъ, кои навлекли на себя многія нещастія своими безпорядками, но когда бы истинно любили мы людей, надлежало бы желать, дабы наказанія сопутствовали, или покрайнѣй мѣрѣ всегда слѣдовали за пороками такъ же, какъ и за злодѣяніями. Человѣкъ, спящій въ спокойствіи, и видящій себя выше суда и наказаній, есть гораздо жалчае, ежели онъ не добродѣтеленъ: но мало есть порочныхъ, и можетъ быть со всѣмъ нѣтъ, которые бы могли ласкаться симъ опаснымъ спокойствіемъ, или паче, которые бы были столько нещасливы, что бы снискать оное. Рано или позно возраждается въ душѣ ихъ тайное мученіе печальнѣйшее, но вмѣстѣ и дѣйствительнѣйшее нежели самыя жестокія казни: оно подъемлетъ завѣсу, разторгаетъ очарованіе, представляетъ человѣку спасительную помощь: почему наказанія полезны претерпѣвающимъ оныя, только для того, что возбуждаютъ въ нихъ угрызенія; и блюстители правосудія, погубляющіе винныхъ прежде нежели сіи угрызенія, такъ сказать,

зать, очистять душу ихъ, должны отдать отвѣтъ въ томъ, что отъемлютъ они у сихъ нещастныхъ тѣ пособія, которыя собрегалъ для нихъ Промыслъ. Не угрызенія дѣлаютъ нещастіе тѣхъ, кои чувствуютъ оныя; ибо злодѣянія и пороки которымъ люди сіи предаются, дѣлаютъ ихъ нещастными: сіи движенія возмущенныя совѣсти суть изъ всѣхъ благъ наивеличайшее благо, и самое ясное доказательство того, что есть Богъ, и что Богъ сей есть благъ.

И такъ самихъ людей надлежитъ обвинять въ приключающихся имъ напастяхъ: когда бы они сами не искали возмущать покой свой, то съ трудомъ бы нашли минуту неудовольствія; но къ нещастію, нѣтъ ничего, чего бы не дѣлали они для учиненія участи своей плачевною. Для чего, будучи рачительные творцы золъ своихъ, закрываютъ отъ очей своихъ свои слабости и пороки? Для чего не внемлютъ они сему премудрому наставленію, совѣтующему намъ стараться познавать тщательно то, что есть въ насъ самаго худаго? Нещастливъ тотъ, кто не можетъ часто входить въ самаго себя; но еще нещаснѣе тотъ, кто дѣлать сего не дерзаетъ! Люди, ослѣпляясь въ разсужденіи самихъ себя, изрываютъ для себя пропасти, и жалуются послѣ, что низринулись во оныя: они скрываютъ отъ

самихъ

самихъ себя и недостатки и пороки свои; они были бы можетъ быть добродѣтельны, естьли бы не льстили себѣ тѣмъ, что они добродѣтельны; они погубляютъ себя столько же, что бы не сказать гораздо болѣе, добрымъ мнѣнїемъ, принятымъ о себѣ самихъ, сколько похвалами и ласкательствами тѣхъ, съ которыми живутъ они. Коль мало людей, дерзающихъ говорить себѣ истинну! Коль мало такихъ, которые бы, бывъ превозносимы множествомъ, сами себя еще болѣе не превозносили! Они простираютъ руки убїйцѣ, они подкрѣпляютъ руку, смертельный ударъ имъ наносящую. Естьли бы, строго судя нравы свои, свое поведенїе, свое свойство, признавались они предъ самими собою въ слабостяхъ и порокахъ своихъ, то не ожидали бы они столь долго своего исправленїя.

Все, что я сказалъ, доказываетъ, естьли не обманываюсь, что люди погрѣшаютъ, когда жалуются на бѣдствїя жизни: я докажу еще, что блага, коими они наслаждаются, суть такїя блага, которыя заслуживаютъ всю ихъ благодарность; и что тѣ, коихъ они желаютъ, суть только такїя выгодности, безъ которыхъ они обойтися могутъ, и которыхъ часто не подавалъ имъ Промыслъ для того, что ихъ любитъ. Человѣкъ есть благополученъ.

Размы-

Размыслимъ только о самихъ себѣ, безъ сомнѣнія почувствуемъ цѣну бытія нашего: сіе благо толь драгоценное не можетъ ничего потерять отъ цѣны своей ни чрезъ болѣзни самыя мучительныя, ни чрезъ печали самыя чувствительныя. Мы не довольно мыслимъ о томъ, что то есть существовать, и человѣкъ привыкшій наслаждаться жизнію, забываетъ часто, что онъ есть. Я не знаю, но чувствую, помышляя о ничтожествѣ, нѣкоторый ужасъ; естьли бы всѣ люди согласовались въ томъ, что перестать существовать для внитія въ ничтожество, есть изъ всѣхъ, какихъ только страшиться можно, золъ самое ужаснѣйшее зло, то коль великое благо была бы жизнь! Во всѣхъ вѣкахъ видимъ людей, кои въ наивеличайшихъ бѣдствіяхъ, и при видѣ смерти утѣшались ласкательнымъ воображеніемъ безсмертія: существованіе есть первое благо, котораго бы мы пожелали, ежели бы можно желать прежде, нежели родимся. Разумной человѣкъ не требуетъ, дабы его щастіе было дѣйствіемъ чудотворенія, онъ желаетъ только видѣть препятствія удобопобѣдимыми; онъ желаетъ только быть властнымъ заслужить что нибудь чрезъ свои усилія: благоразсудительная душа пожелала ли бы чего нибудь другаго, какъ родиться, естьли бы можно было желать прежде, нежели на свѣтъ родимся?

димся? Люди, достигающїи до величествѣ, начинаютъ презирать оныя; они желали бы увѣрить другихъ, что почести сїи суть имъ въ тягость, и что посредственное состоянїе для нихъ прелестно: колико бы устыдились они, когда бы имъ представлены были средства къ полученїю похваляемыхъ ими благъ, а къ потерянїю презираемыхъ! Не только не стали бы они искать однихъ, а другихъ не оставили бы съ радостїю, посредственность сїя была бы для нихъ источникомъ прискорбїя, мы узрѣли бы ихъ даже законопреступниками для сохраненїя честей, которыя они презирать кажутся; то же и о жизни сказать можно; тотъ, кто наиболѣе жалуется, постарался бы сохранить оную, во что бы то ни стало: и такъ жизнь есть благо, и мы то знаемъ, но не признаяся. Съ какимъ вниманїемъ самая легкая болѣзнь заставляетъ насъ совѣтоваться съ нашими Ескулапами? Сколько старанїй, ежели не ослѣпляютъ насъ забавы, употребляемъ, что бы избавиться отъ смерти очень близскїя? Внемлите воздыханїямъ сего умирающагo; чего бы не далъ онъ, что бы родиться паки? Свѣтъ, гдѣ былъ бы онъ гораздо менѣе щасливъ, нежели былъ, или паче мнилъ быти щастливымъ въ свѣтѣ, имъ оставляемомъ, показался бы ему предмѣтомъ желанїя.

Но

Но краткость жизни, говорятЪ, есть такова, что жизнь не можетЪ быть благомЪ: сїе краткое разстоянїе времени дано, кажется, людямЪ только для того, чтобы причинить имЪ страданїе смерти. Странное разсужденїе! Можно ли жаловаться на краткость жизни, и отрицать, что жизнь есть благо? ВЪ прочемЪ, что значитЪ сїя мнимая краткость, сей всегдашный поводЪ кЪ холоднымЪ возглашенїямЪ? Жизнь есть ни долга, ни кратка, естьли посмотрѢть на вещи вЪ ихЪ настоящемЪ видѢ. Единодневное бытїе сихЪ малыхЪ животныхЪ имѢетЪ свою краткость и свою долготу, такЪ какЪ и бытїе человѢческое: животное, коего бытїе ограничено разстоянїемЪ времени, протекающаго между восходомЪ и западомЪ солнца, живетЪ долго, естьли умираетЪ только не прежде вечера; оно живетЪ мало, когда умираетЪ прежде зари вечерней. Червячку, коего рожденїе и смерть толь близки между собою, удастся ли прожить хотя минуту больше? Одобрили ли бы мы его желанїя, или паче его роптанїя, естьли бы онЪ могЪ жаловаться на краткость бытїя своего? Однако всѢ желанїя наши клонятся кЪ продолженїю дней нашихЪ: продолжительная жизнь есть то, чего мы желаемЪ всѢмЪ друзьямЪ нашимЪ, и то чего желаемЪ самимЪ себѢ: продолжайте дни ваши, сколько вамЪ хочется,

чется, естьли безсмертіе вамъ не определено, вы ничего не выиграете: придетъ минута разстаться со свѣтомъ, и когда она пришла, то жизнь самая долговременная не иначе какъ сномъ кажется; сколько бы она кратка ни была, ея довольно для того, кто знаетъ, для чего онъ въ семъ свѣтѣ. Когда разсудимъ о утомленіи, о болѣзняхъ, о развлеченіяхъ, о времени, во снѣ утраченномъ, о состояніи младенчества, то увидимъ, что самый дряхлый отъ лѣтъ старецъ жилъ мало; а тотъ одинъ прожилъ на земли довольно долго, который изъ пребыванія своего на земли получилъ плодъ, какій изъ того получить можно. Приведите себя въ такое состояніе, что бы вамъ ничего не бояться, вы увидите, что человѣкъ можетъ жить, не желая и не страшась смерти. Жизнь есть мореплаваніе: такъ какъ сидя въ суднѣ видимъ древа и берега далеко отъ насъ убѣгающія, въ стремительномъ теченіи дней нашихъ, мы видимъ, что послѣ младенчества проходитъ наша юность и зрѣлый вѣкъ, до коего мы достигли. Мы не знаемъ, чего желаемъ, когда желаемъ жить долго: слѣпецъ щастливъ, когда проводника имѣетъ, но будущее сокрыто отъ очей нашихъ, и такъ оставимъ на Провиденіе вести насъ къ оному.

Но не сіе одно желаніе родится отъ заблужденія: сколько есть другихъ желаній,

какія

какія восприемлютъ всякой день люди, не хотя знать того, что подлинно къ ихъ благополучію способствуетъ! Мы не знаемъ человѣка, или его не любимъ, когда желаемъ ему всего того, чего онъ хочетъ; было бы ему наказаніемъ исполненіе всѣхъ его желаній. Обратимъ взоръ нашъ на разныя предмѣты желаній человѣческихъ; не трудно будетъ убѣдить всякаго разумнаго человѣка въ истиннѣ того, что я утверждаю.

Находятся люди, кои желаютъ силы и проворства нѣкоторыхъ животныхъ: однихъ легкость, другихъ быстроту, сихъ долголѣтіе, а тѣхъ зрѣніе почитаютъ они за выгодности достойныя зависти. Они желали бы находить такъ, какъ и всѣ животныя, пищу себѣ совсемъ готовую: ихъ безпечность и сія вкоренившаяся любовь къ праздности заставляютъ ихъ желать сея безопасности, въ какой живутъ животныя за неимѣніемъ надобностей, коими хвалиться мы можемъ. Они ставятъ за честь потерять тѣ преимущества, которыя толико возвышаютъ ихъ надъ скотами, и которымъ одолжены они владычествомъ, какое имѣютъ надъ оными. Нещастные умствователи! Заставляйте говорить людей о вашихъ странныхъ заблужденіяхъ: предпочитайте жизнь животныхъ симъ лучамъ свѣта, коими озарена душа ваша; вашъ человѣконенавидивый умъ показы-

показываетъ людямъ, что философія также бываетъ употребляема, како и всякое благо жизни, что она есть кинжалъ въ рукахъ безумнаго.

Сего не довольно, вещи самыя противоположенныя естеству человѣческому суть иногда предметомъ желаній человѣка: жизнь некончаемая, познаніе будущаго, и что не входитъ въ сердце человѣковъ! Пускай бы разсудокъ подавлялъ въ началѣ ихъ сіи желанія, производимыя въ нихъ ослѣпленіемъ; но желанія сіи, всегда присудственныя въ ихъ разумѣ, занимаютъ ихъ чрезъ все теченіе жизни; сіи желанія прерываются только забавами, и желанія сіи, естьли не могутъ быть удовольствованы, исторгаютъ ропотъ. Слыша рѣчи людей, можно сказать, что свѣтъ сей не иное что есть, какъ твореніе могущества скупаго въ дарахъ своихъ; всего не достаетъ тому, кто предается страстямъ своимъ, *предразсудкамъ* своимъ, своимъ заблужденіямъ; и всѣмъ изобилуетъ тотъ, кто послѣдуетъ свѣту разума, гласу природы и наставленіямъ премудрости.

Между тѣмъ какъ высокомѣріе наше унижаетъ въ очахъ нашихъ, равныхъ намъ, низкость чувствованій нашихъ заставляетъ насъ полагать родъ человѣческій наравнѣ съ твореніями наименѣе совершенными: сей же самый разумъ, посредствомъ коего цѣнимъ слабыя преимущества, ка-

кія одни имѣюшъ надъ другими, унижаетъ шѣ преимущесшва, кои сушь общи людямъ. Видѣшь, ничего не значитъ, но видѣшь гораздо далѣе другихъ, есть прямое преимущество: то, что всѣ имѣютъ такъ какъ мы, есть такое благо, кое мы ни за что почитаемъ: странное ослѣпленіе! Что бы изъ того было, естьли бы мы имѣли чувства совершеннѣйшія? Я знаю, что естьли бы взоръ нашъ простирался далѣе, мы бы лучше различали удаленные предметы: что естьли бы слухъ нашъ былъ тонѣе, извѣстясь о близкой опасности, избѣгли бы иногда нечаянности, но напротивъ, сколько невыгодностей соединено съ чувствами нѣжнѣйшими? Тѣ люди, у коихъ органы самые грубые, имѣютъ и здоровье самое крѣпкое: мы были бы сожаленія достойны, естьли бы, различая и малѣйшія предметы, находили во всей природѣ только такіе виды, коихъ бы поверьхностію мы мерзили, естьли бы, при различеніи самыхъ слабѣйшихъ тоновъ, наши уши безпрестанно поражаемы были грубымъ звукомъ, который бы намъ размышлять препятствовалъ! Естьли бы люди, одаренные большею чувствительностію органовъ, были въ такомъ свѣтѣ, гдѣ все было бы сообразно чувствамъ ихъ; то все бы равно было: человѣкъ имѣющій тонкій слухъ, никакого преимущества не имѣетъ предъ тѣмъ, который,

который, имѣя грубѣйшій слухъ, находится по соразмѣрности ближе къ тому мѣсту, откуда звукъ произходитъ. Тотъ, кто желалъ бы имѣть чувства совершеннѣйшія, безъ всякой премѣны въ обыкновенномъ теченіи естества, желалъ бы такихъ золъ, коихъ снести онъ не можетъ: и тотъ, кто пожелалъ бы въ другомъ быть свѣтѣ, что бы чувства имѣть совершеннѣйшія, не понималъ бы, что когда все было бы соотвѣтственно, и обстоятельства перемѣнились бы по соразмѣрности, онъ бы ничего не выигралъ.

Да не воображаемъ, чтобъ мы были творенія весьма несовершенныя: желалъ бы я спросить у тѣхъ, кои во всемъ, что ни есть человѣческое, не видятъ кромѣ слабостей и несовершенствъ, что разумѣютъ они чрезъ несовершенство? Они безъ сумнѣнія мнѣ скажутъ, что предѣлы, предписанные способностямъ и власти людей, дѣлаютъ ихъ несовершенными, не помышляя о томъ, что здѣсь идетъ еще рѣчь объ отношеніяхъ. Взоръ не имѣетъ совершенства какъ только въ разсужденіи предметовъ, кои долженствуютъ быть примѣчены: совершенство его состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть извѣстные предѣлы, а не въ томъ, что бы не имѣть ни какихъ. Все совершенно есть въ физическомъ, не все въ нравственномъ, но сіе отъ людей зависитъ; да и долженствуетъ

отъ нихъ зависѣть: ибо нѣтъ совершенства нравственнаго, безъ свободной воли человѣка. Вмѣсто того, что бы намъ жаловаться на то, что имѣемъ тѣло толь удобное къ изможженїю, посмотримъ, не осквернена ли душа наша пороками, а разумъ нашъ не напоенъ ли заблужденїями и предразсудками: будучи властны, отъ однихъ исправить себя, и другїя вознаградить, да проводимъ день и ночь въ усмиренїи страстей нашихъ и въ просвѣщенїи разума. Что сказали бы мы о Государѣ, естьли бы, вмѣсто того, что бы усмирять бунтовщиковъ, приводить въ цвѣтущее состоянїе торговлю и художества, онъ желалъ только лучшаго украшенїя городовъ, и занимался лишъ въ строенїи дворцовъ, дабы влещи изъ мѣста въ мѣсто праздность свою и свою слабость?

Но сїи же самые люди говорятъ еще: естьли бы по крайнѣй мѣрѣ наше здоровье всегда твердое, наше тѣло всегда здравое и сильное, оставляло душѣ нашей полную свободу дѣйствовать до послѣдней минуть жизни: естьли бы по крайнѣй мѣрѣ чувства наши не ослабѣвали нечувствительно; естьли бы сокровища, прїобрѣтенныя умомъ въ теченїи жизни, не становились безполезными: то бы мы и на смерть и на краткость жизни взирали безъ боязни и страданїя: весьма прискорбно оставить жизнь, потерявъ всѣ преимущества,

мущества, которыя снисканы. Какое разсужденіе, Боже мой! Однакожъ разберемъ оное обстоятельнѣе. Тѣло слабѣетъ, чувства притупляются, память терять ся начинаетъ; прибавляютъ къ сему, плодъ бденій, познанія, съ толикимъ трудомъ приобрѣтенныя, становятся безполезными; человѣкъ умираетъ наконецъ лишенный всего того, что онъ ни имѣлъ драгоцѣннаго. Тюренъ естьлибъ состарѣлся, то умеръ бы, не могши сражаться, и Невтонъ, естьли бы жилъ дватцатью годами еще больше, то не позналъ бы можетъ быть истиннъ, которыя онъ открылъ; какая дальновидность для человѣка! Мнѣ бы довольно было здѣсь сказать, что лучше гораздо быть Тюреномъ, Невтономъ, и умереть переставъ быть ими, нежели никогда не существовать; ибо добро не можетъ перестать быть добромъ по той причинѣ, что продолженіе онаго ограничено извѣстнымъ разстояніемъ времени. Но я больше сказать могу; кто намъ доказалъ, что за пресеченіемъ дѣйствій жизненныхъ слѣдуетъ пресеченіе дѣйствій души нашей? Кто намъ сказалъ, что за слабостію жизненныхъ духовъ слѣдуетъ слабость души, что утрата памяти, или еще болѣе, бредни старика доказываютъ слабость души его? Сія душа, заключаемая въ ослабленномъ тѣлѣ, наслаждается всею своею бодро-

 стію,

стію, но не имѣетъ она средствъ для оказанія того наружными дѣйствіями; наступаетъ время изходить, орудіе, толь долго служившее, повреждено, надлежитъ оставить оное: старикъ есть такой человѣкъ, который начинаетъ разрывать сообщеніе, кое имѣлъ онъ съ другими людьми, онъ не разумѣетъ ихъ болѣе какъ въ половину, скоро не будетъ ихъ разумѣть вовся; сія рука мужественно сражавшаяся, здѣлалась слабою, она и быть таковою долженствовала: строеніе, изъятое отъ ѣдкости времени, есть вещь не возможная: когда бы наше тѣло могло сохранять всю силу даже до послѣдней минуты жизни, тогда бы желать сего было не очень благоразумно, сіе умножило бы только страданія наши при часѣ смертномъ, сіе премѣнило бы въ болѣзненныя и несносныя смерти, тѣ тихія и спокойныя смерти, при которыхъ факелъ жизни премѣнясь въ малыя искры, потухаетъ нечувствительно: сіе возмутило бы ту радость души, тѣ размышленія, которыми занимается человѣкъ, оканчевающій теченіе свое. Ежели все погибаетъ съ тѣломъ, ежели другой порядокъ вещей, ежели другой свѣтъ не послѣдуетъ за симъ свѣтомъ, то какое для насъ щастіе не чувствовать, умирая, всего того, что мы теряемъ! Но ежели другой свѣтъ послѣ сего свѣта будетъ, то не возможно, что бы душа переселилась

лась въ оной, лишась всѣхъ своихъ преимуществъ; ежели духъ, въ насъ живущій, существуетъ послѣ смерти, то можно ли, что бы, имѣя силу существовать безъ тѣла, имъ оживотворяемаго, онъ потерялъ, чрезъ ослабленіе орудій, драгоцѣнныя блага, имъ приобретенныя? Можно ли, что бы, по зделанномъ отдѣленіи онъ снова во мракъ погребенъ былъ? Можно ли, что бы сей степень разума, ученіемъ намъ доставленный, что бы сіи добродѣтельныя склонности, вѣрою намъ внушенныя, были разрушены, когда намъ недостанетъ только способа сообщаться съ живыми? Нѣтъ, мы теряемъ съ жизнію только то, что сохранить для насъ не важно: не подвижныя естества законы не могутъ быть законами варварскими: такъ по что же намъ жаловаться, по что желать намъ того, чего природа и ея Зиждитель, то есть, чего верьховная Благость не дала намъ?

Ежели бы спросилъ кто, для чего мы подвержены сну, нуждѣ возстановлять непрестанно силы наши, нуждѣ прикрывать себя; для чего имѣемъ потребности и желанія, иногда толь трудныя удовольствовать, ежели бы, говорю, спросилъ кто, для чего вещи таковы, каковыми ихъ видимъ, между тѣмъ какъ оныя могли бы быть сходственнѣе съ желаніями нашими? Намъ бы великое множество

причинѣ надлежало представить, но не имѣли ли бы мы оныхъ? Намъ легко было бы заградить уста людямъ, дозволяющимъ себѣ толико безразсудныхъ вопросовъ и толико пустыхъ разсуждеиій. Ежели слабость зрѣнія нашего препятствуетъ намъ познать всю красоту сего міра, то довольно для насъ и того, что видимъ, и что знаемъ, ко увѣренію насъ въ томъ, что все есть добро: видимый безпорядокъ для очей прозорливѣйшихъ есть порядокъ удивительный. Всякой день видимъ политиковъ не изъяснимыхъ въ своемъ поведеніи, можно бы сказать, что они идутъ противъ общаго смысла: однако будучи благоразумнѣйшими, нежели нижніе цѣнители, они посредѣ бури и не обузданныхъ вѣтровъ, приводятъ въ пристанище корабль, имъ ввѣренный. Но міръ сей есть твореніе самаго Бога.

Желаніе меньше виновное есть желаніе, возбуждающее тѣ любопытные умы людей, со всемъ вдавшихся знаніямъ и наукамъ: они желали бы все знать: какіе ни положить предѣлы, сіи были бы очень тѣсны, ежели они поймутъ что нибудь далѣе оныхъ; они бы гораздо благоразумнѣе были, естьли бы, пользуясь тѣмъ, что могли получить, опредѣляли къ прямому своему употребленію тѣ познанія, какія они приобрѣли. Безъ сомнѣнія полезнѣе бы было познавать болѣе,

то есть, распространять обширность и достовѣрность нашихъ познанїй; но сїе преимущество долженствуетъ быть ограничено извѣстнымъ степенемъ; природа вещей того требуетъ. Въ прочемъ, желающїй просвѣтиться, находитъ всегда къ тому способъ; нѣтъ ни единаго ученїя, въ коемъ бы люди здѣлали все, что могутъ здѣлать; мы видимъ каждый день и философовъ и художниковъ простирающихъ изысканїя свои за ту точку, до которой достигнуто во времена ихъ, а до меты предписанной ихъ усилїямъ никто изъ нихъ не коснулся. Что касается до тѣхъ, кои унижаютъ цѣну познанїй человѣческихъ по той причинѣ, что оныя ограничены, кои воспринимаютъ желанїя неосновательныя и слѣпыя, вмѣсто того, что бы жаловаться на слабость и неизвѣстность нашего просвѣщенїя, они долженствовали бы уличать себя въ томъ, что столь мало уважаютъ сокровища разума, что судятъ о наружностяхъ, что столь слабо сражаются съ предразсудками своего времени, что столь слабыя дѣлаютъ усилїя для своего просвѣщенїя: какъ не знать бы имъ всего того, что знать бы могли, естьли бы непрестанно упражненные желанїемъ осовершенствовать нравы и дарованїя свои, провождали они день и ночь въ ученїи истинны и мудрости! Мудрый признаетъ предѣлы, ему

предписанные, и не жалуется, что не можетъ прейти оныхъ: что скажемъ мы о тѣхъ, кои не зная предѣловъ, ропщутъ на то, что знаютъ, что есть оные? Несмысленные, вы желаете, и остаетесь праздными: вы подобны земледѣльцу, который, не касаясь ко плугу, проситъ у боговъ обильныя жатвы.

Я слушу всякой день, что люди говорятъ съ презрѣніемъ о удовольствіяхъ житейскихъ: кафедры оглашаются сими правилами, въ собраніяхъ твердятся сіи давныя разсужденія, поставляется за долгъ увеличивать омерзеніе, которое влекутъ оныя за собою, неудобство вкушать прямыя удовольствія, и увеличивать краткость оныхъ: однако ищутъ благъ сихъ, и чтутъ своими желаніями то, что пренебрегали своими разсужденіями: ихъ поведеніе и ихъ разговоры, ихъ желанія и ихъ правила, будучи во всегдашнемъ противоположеніи, отъемлютъ сомнѣніе о истинномъ образѣ ихъ мыслей: таковы суть тѣ люди, которые утомясь и изнурясь отъ удовольствій, злословятъ оныя по своей волѣ, пока не возвратятся силы къ возбужденію потушенныхъ желаній. Ежели подлинно правда, что никакое житейское удовольствіе не льститъ ихъ ни довольно живо, ни довольно долго, то сіе по тому, что они худо разумѣютъ свои выгоды; удовольствіе требуетъ

буетъ бережливости, не надлежитъ употреблять онаго во зло: чувства наши скоро притупляются, привычка есть наивеличайшій врагъ веселости, никогда не должно вкушать онаго до того, что бы престать желать его; когда удовольствіе достигаетъ до послѣдняго своего степени; тогда оное очень близко отъ страданія, обѣ крайности касаются другъ друга; отъ величайшаго степени удовольствія одинъ только шагъ до малѣйшаго степени страданія, а для человѣка разстоянія совокупляются. Вы жалуетесь на краткость житейскихъ удовольствій; но можно ли жаловаться на краткость ихъ, и ихъ презирать въ тоже время? Отъ васъ только зависитъ отнять отъ оныхъ все то, что вы непріятнаго въ нихъ находите; ежели не льстятъ васъ оныя, то вы въ семъ виновны. Природа, потщившаяся присоединить живое желаніе ко всѣмъ нашимъ нуждамъ, подщилась присовокупить наиспокойнѣйшее удовольствіе къ тому, что удовлетворяетъ нуждамъ симъ. Извѣстно, что чистая вода, утоляющая великую жажду человѣка, есть сладостное питіе: такъ для чего же не ждать всегда, что бы жажда извѣстила намъ, что время вкушать удовольствіе, природою намъ уготованное? Мы предупреждаемъ нужды наши, вмѣсто того что бы ожидать оныхъ: но еще не все: недоволь-

ствуясь

ствуясь уменьшенiемъ числа удовольствiй, какiя бы имѣть мы могли, мы отравляемъ оныя: мы питiя здравыя и прiятныя мѣняемъ на питiя бѣдственныя для здравiя нашего, и можетъ быть бѣдственныя для разума нашаго: искусные покорять вкусъ нашъ своенравiямъ нашимъ, наконецъ что бы покорить себя вкусамъ, привычкою нужными учинившимся, мы глотаемъ ядъ, который для насъ не составленъ. Наши удовольствiя здѣлались рабами искуства; оныя были нѣкогда порожденiемъ Природы. Ко стыду разума человѣческаго, были люди, кои носили при себѣ лѣкарство отъ яду, который принимать они хотѣли. Ахъ пагубное ослѣпленiе, неистовство самымъ непросвѣщеннѣйшимъ народамъ неизвѣстное, человѣкъ самъ себѣ врагомъ учинился! Что скажу о сихъ скотскихъ удовольствiяхъ? Ахъ! я отвращаю очи отъ сихъ ужасовъ! Насъ, насъ однихъ надлежитъ обвинять въ томъ, что мало удовольствiй находимъ въ жизни: есть удовольствiя толь живыя, толь драгоцѣнныя, толь постоянныя, что человѣку разумному потребно нѣчто больше, нежели гласъ разсудка, къ тому, что бы оставить жизнь безъ сожалѣнiя. Признаюсь, что оныя суть смѣшены съ нѣкоторыми страданiями, и сiе нужно, потому, что сiе было полезно. Ежели бы было для чувствъ какоенибудь чистое

удовольствїе, то надлежало бы беречься вкушать оное, оно бы отвратило насъ навсегда отъ всѣхъ другихъ удовольствїй: совершенное благо, естьли бы оно возможно было въ семъ свѣтѣ, было бы точно въ противоположенїи съ тѣмъ концемъ, для котораго люди созданы. Ежели кто скажетъ, что не было бы въ томъ худаго, чтобъ скучиться благами несовершенными, тотъ не разсуждаетъ, что сїи блага даны намъ только для того, что они намъ были нужны. Увеселенїя имѣютъ свою пользу, они даютъ новую силу уму, они оставляютъ сложенїю нашему нужную свободу, они облегчаютъ насъ въ страданїяхъ нашихъ, и даже въ забвенїе приводятъ оныя, они утверждаютъ узлъ, долженствующїй соединять человѣковъ. Душу только вопрошать надлежитъ, никто въ томъ не обманется: человѣкъ предается необузданной радости только тогда, когда состоянїе, въ которомъ онъ находится, требуетъ, что бы онъ забылся, единое размышленїе разрушило бы очарованїе, и возвратило бы ему тѣ понятїя, которыя онъ хочетъ удалить отъ своего разума. Мы чувствамъ одолжены наивеличайшимъ числомъ нашихъ увеселенїй, но увеселенїй не наивеличайшихъ: здѣсь слово о доставленїи себѣ живыхъ и истинныхъ увеселенїй, о представленїи душѣ нашей такихъ предметовъ, кои бы

ей

ей нравились, ея довольствовали, обладали бы, такъ сказать, всею ею, раждали бы въ ней самое ясное желаніе пребывать въ томъ состояніи, въ которомъ она находится: но вмѣсто того, представляютъ ей то, что ее принуждаетъ, что наводитъ на нея только нѣсколько минутъ ослѣпленія. Колико людей, умирающихъ отъ скуки въ нѣдрахъ сладострастія, коего не хотятъ они оставить! Иной зѣваетъ, обнимая идола сердца своего. Простительно людямъ иногда обмануться, но непрестанный опытъ долженствовалъ бы ихъ извлечь изъ ихъ заблужденія. Ежели неудивительно, что путешественникъ остановляется при мѣстахъ мало способныхъ научить его или увеселить, то удивительно, сіе, что онъ остается тамъ, не имѣя силъ оставить оныя. Увеселенія чувственныя суть весьма часто опасныя Сирены: то, что проходитъ въ туже самую минуту, когда льститъ наиболѣе, то, что вкушать съ излишною страстію толь опасно, то, что можетъ насъ удалить отъ того, что мы наиболѣе уважать долженствуемъ, то, что насъ изнуряетъ и ослѣпляетъ толь удобно, можетъ ли быть благомъ толь желаннымъ для человѣка? Да наслаждаемся сими легкими преимуществами, они имѣютъ свою пріятность; да поищемъ ихъ иногда, они имѣютъ свою пріятность;

да поищемъ ихъ иногда, они имѣютъ свою пользу; было бы не благоразумно убѣгать оныхъ. Не надлежитъ, что бы увеселенїе господствовало надъ нами, по тому что самыя постыднѣйшїя вещи иногда производятъ оное: не надлежитъ любить его безмѣрно, по тому что любя его излишно приуготовляемъ себѣ горестное раскаянїе.

Я называю истинными увеселенїями тѣ увеселенїя, которыя не только не оставляютъ по себѣ отвращенїя или печали, но всегда бываютъ возслѣдуемы прїятнымъ воспоминанїемъ. Таково есть увеселенїе сего блаженнаго смертнаго, коему толико прискорбныхъ семѣйствъ, толико сиротъ и вдовицъ оставленныхъ, толико нещастыхъ притесненыхъ, одолжены нащедрѣйшими вспоможенїями. Онъ слышитъ стонъ, внутренность его подымается, онъ бѣжитъ, лѣтитъ, и наслаждается уже напередъ прїятнымъ удовольствїемъ, какое чувствуется при творенїи добра: спокойный владѣтель тайны своея, нещастїя, имъ прерванныя, суть блага для него самаго, онъ пїетъ съ жадностїю то чистое удовольствїе, которое приближаетъ человѣка къ духамъ безсмертнымъ.

Душа, всегда упражненная пустыми житейскими увеселенїями, есть весьма мало достойна желать безсмертїя, которое желанїе рождено съ нею. Съ нею тоже

бываетъ,

бываетъ, что съ сими простаками или дѣтьми, кои, попирая ногами золото и драгія каменья, не могутъ утѣшиться, потерявъ игрушку. Истинныя блага и истинныя увеселенія человѣка имѣютъ особенное свойство, они бываютъ во всякое время, ихъ вездѣ найдешъ, всѣ люди могутъ наслаждаться ими: нѣкоторыя же блага и нѣкоторыя увеселенія суть предоставлены для извѣстнаго состоянія людей, по тому что всѣ люди не могутъ наслаждаться всѣми благами житейскими: многія преимущества надлежало снискивать съ большими трудами, которыхъ принять на себя весь свѣтъ не могъ. Сіи преимущества малаго числа смертныхъ не долженствуютъ возбуждать ни сожалѣнія, ни ропоту въ тѣхъ, кои лишены оныхъ, по тому что тѣ, не наслаждаяся ими, не могли ни имѣть объ нихъ понятія, ни ихъ желать: тотъ кто будучи способенъ къ размышленію о истиннахъ высочайшихъ, чувствуетъ возхитительное удовольствіе, когда открываетъ новыя истинны, и вмѣщаетъ въ себѣ такое чувствіе, какого человѣкъ, никогда не размышлявшій, желать не можетъ.

Колико противорѣчій въ поведеніи людей! Въ одну и тужъ минуту раждаются и изчезаютъ желанія другъ другу противныя: не за недостаткомъ просвѣщенія удаляются они толь далеко отъ един-

ственнаго

ственнаго пути, могущаго привесть ихъ ко щастію: они обуеваютъ, для сего то и нельзя представить очамъ ихъ сіи истинны, которыя страсти ихъ и предразсудки стараются прикрывать не проницаемымъ покрываломъ. Они знаютъ, что сіи выгоды, которыхъ толико желаютъ они, ихъ не довольствуютъ; они знаютъ, что есть выгоды большія, которыя получить, отъ нихъ зависитъ; они знаютъ неудобства, соединенныя съ сими благами жизни, коихъ не знать имъ было бы иногда полезно, и кои любить излишно, бываетъ всегда погубно. Говорятъ, что съ малымъ достаткомъ человѣкъ не бѣденъ, но бѣденъ онъ часто съ великимъ достаткомъ: въ самомъ дѣлѣ, мы власны въ нашихъ нуждахъ, а нужды рѣшатъ о богатствѣ нашемъ и о бѣдности нашей; истинна, которая долженствовала бы глубоко впечатлеться въ душахъ нашихъ, которую признаемъ, и противъ которой сражаемся только дѣйствіями своими. То, что могло бы насъ утѣшить въ нашемъ недостаткѣ, есть самое то, на что люди, достатку не имѣющіе, жалуются наиболѣе, я хочу сказать, несправедливости и пороки многихъ богачей: толико тотъ блаженъ, кто удаленъ отъ сихъ претыканий разума! Всякой разъ, какъ увидите человѣка богатаго, ругающагося бѣдностію честнаго человѣка, злотворящаго убогому, кой ползать въ ногахъ

 его

его отрицается, подающаго пренебрегательнымъ образомъ помощь, докукою отъ него исторгаемую, живущаго въ пїянствѣ и забывающагося при каждой минутѣ, благословите Бога за непосланїе вамъ богатствѣ, которыхъ по нещастїю вы желаете. Когда вы увидите человѣка богатаго, благоразумно употребляющаго имѣнїе свое, веселитесь, видя оное въ толь добрыхъ рукахъ, и сожалѣйте только о томъ преимуществѣ, что вы также дѣлать не можете: освобожденные волею небесъ отъ вспоможенїя, какое бы вы желали чинить находящимся въ бѣдности, подавайте согражданамъ вашимъ всѣ помощи, къ какимъ только вы способны; ибо есть случаи, гдѣ помогать имъ можете. Тотъ богатъ, кто имѣетъ все, или кто безъ всего обойтиться можетъ, ибо наше богатство состоитъ во всемъ томъ, безъ чего обойтиться можемъ: и такъ сколько есть бѣдныхъ, коимъ не достаетъ меньшаго, нежели тѣмъ людямъ, въ коихъ обилїе умножаетъ токмо нужды и желанїя. Сократъ видя пышное великолѣпїе нѣкоего торжества, вскричалъ *ахъ! безъ какого множества вещей обойтиться я могу.*

Щастїе, сей идолъ сердецъ нашихъ, есть такое Божество, на служенїе котораго мы всѣ дни посвящаемъ, и на котораго жалуемся также часто: чтить Божество злотворное, которое, будучи къ намъ благосклонно,

госклонно, готовитъ лишь намъ терзанія, какое заблужденіе? Великое щастіе есть великое рабство: тотъ, кто судно свое оставляетъ на произволъ вѣтрамъ, долженствуетъ ожидать, что онъ приведенъ будетъ не туда, куда хочетъ, но куда вѣтръ и непогоды его бросятъ: тотъ, кто ищетъ щастія, подвергается своенравію онаго; ежели онъ терпитъ отъ него бѣды, онъ и жаловаться на то не можетъ; сіе было бы мракъ, въ которомъ оступаемся. Щастіе не премѣняется, мы перемѣняемся; оно хранило постоянно тотъ же законъ; скрывая отъ насъ на нѣкоторое времясвое нравіе и непостоянство свое, показывало ихъ другимъ; никому оныя не должны быть неизвѣстны. Благоденствіе есть иногда первый шагъ, ведущій насъ къ нещастію: очень не основательно думаютъ, что бы чести и сіи наружные знаки особеннаго почитанія, которыми чаще подлость ласкателей нежели достоинство великихъ людей украшается, способствовали много ко благополучію: на противъ, служатъ оныя часто только къ большему обнаженію недостатковъ и пороковъ въ тѣхъ, кои обладаютъ ими; служатъ оныя часто только къ закрытію отъ нихъ того, что бы знать имъ всего нужнѣе было. Можно ли повѣрить, что бы было въ томъ великое преимущество, дабы хвалиться произхожденіемъ своимъ отъ како-

го нибудь знаменитаго человѣка въ прошедшихъ вѣкахъ, какъ будто бы не лучше было и гораздо не славнѣе прославить потомство свое, нежели долженствовать предкамъ своимъ преимущество, приобрѣтенное можетъ быть подлостїю? Есть отмѣна должная породѣ, польза обществѣ и подчиненїе, которое нужно въ оныхъ, того требовали: должно вознаградить въ насъ добродѣтели предковъ нашихъ; прахъ и гробницы великихъ мужей требуютъ уваженїя, какъ къ потомству ихъ не имѣть онаго? Есть средина между надмѣнностїю благородства и грубостїю неограниченнаго республиканца: лобзайте стопы сего добродѣтельнаго землѣдѣльца, почтите добродѣтели его; убѣгайте сихъ высокомѣрныхъ смертныхъ, еще очень мало презирать ихъ такимъ образомъ. Ежели въ томъ состоитъ преимущество, что бы имѣть явныя отличности, то большее есть благо заслуживать оныя, и не есть зло не мочь получить ихъ. Тѣ, кои жалуются видя себя забвенными въ толпѣ обыкновенныхъ гражданъ, не справедливо полагаютъ толико цѣны тому, что не можетъ учинить ихъ благополучными.

Правда, прискорбно, что честный человѣкъ бываетъ толь часто пренебрегаемъ; смѣшно, что сїи отличности употребительныя въ свѣтѣ почитаются должными; жалко,

жалко, что самый образъ дѣлать добро, оказывать свое почтенїе и дружбу, есть притворный; соблазнительно видѣть наблюденїе чиновъ при стопахъ олтарей; я не могъ безъ нѣкотораго ужаса видѣть людей неизвѣстныхъ и презрѣнныхъ, становящихся идолами общества, коль скоро щастїе начало имъ благопрїятствовать; нѣтъ пороковъ, нѣтъ даже наигнуснѣйшихъ злодѣянїй, которыхъ бы богатство и чести не загладили, я въ томъ увѣряюсь и стеню; но что вы изъ сего заключаете, вы, которые жалуетесь на зло сїе? Коль нещастны вы! Ахъ! Совсемъ нѣтъ, жалѣйте, жалѣйте паче о тѣхъ, кои дѣлаются подлыми, попирая ногами пользу добродѣтели и истинны. Будьте столько справедливы, почитайте себя благополучными, мыслите лучше, нежели большая часть людей. Плодъ любомудрїя есть зрѣть безпристрастнымъ окомъ на сїи списки имянъ прежде безславныхъ, а нынѣ прославленныхъ, на сїе щастїе съ стремленїемъ преходящее, на сїи чести иногда подавляющїя.

Что касается до честолюбивыхъ, неистовство честолюбїя есть толь велико, что они почитаютъ за ничто число повинующихся имъ, коль скоро одинъ человѣкъ имѣетъ право повелѣвать ими. То, что прїобрѣтено, есть ничто; то, что остается прїобрѣсть, есть все. Для того,

кто мучимъ симъ зломъ, нѣтъ никакихъ благъ; онъ не наслаждается ни тѣмъ, что имѣетъ, ни надеждою того, что имѣть можетъ. Его безмѣрныя желанія, его ничемъ не ограниченныя требованія, его безпокойства представляютъ ему только трудности, препятствующія его возвышенію: горе особливо тому, кто желаетъ честей только для того, что бы его боялись; заставлять бояться себя есть зло большее, нежели самому кого бояться! Сіи тиранны, или лучше сказать сіи чудовища, о коихъ упоминаетъ намъ древняя исторія, не внушитъ ли когда людямъ толико омерзенія, что бы заставить ихъ не искать въ честяхъ, другихъ преимуществъ, какъ только быть полезными людямъ своею властію и своимъ *при*мѣромъ?

Здѣлать молву въ свѣтѣ, служить разговоромъ наибольшей части человѣческаго рода, сего желаютъ равно герои, писатели и художники: я не могу повѣрить, что бы было что въ семъ желаніи кромѣ суетности, что бы слава, которую люди толико уважаютъ, не была единая токмо мечта. Любовь славы, есть ли она бываетъ сопровождаема любовію къ людямъ, есть весьма сильное побужденіе ко приведенію насъ къ добродѣтели: кто презираетъ часто славу, часто презираетъ добродѣтель. Боже сохрани, что

бы

бы я разумѣлъ здѣсь чрезъ славу, неистовство сихъ людей, которые упоясь кровію и убивствомъ, несутъ токмо лавры, еще дымящіеся кровію неповинныхъ жертвъ; истинный Герой есть тотъ, кто простирая всегда руки къ миру, подвергаетъ дни свои и дни ратоборцевъ, съ нимъ вмѣстѣ сражающихся, только для благоденствія тѣхъ, кои подчинены законамъ его: онъ презираетъ опасности, онъ ведетъ на смерть сихъ великодушныхъ защитниковъ отечества, которые хотятъ утвердить своею кровію миръ, тишину и благоденствіе государства, онъ стенетъ, видя себя принужденна проливать толико крови, но между двумя злами онъ избираетъ самое меньшее, онъ и долженствовалъ то избирать; онъ достигъ справедливыми средствами до славы; сіе общее признаніе, сіи похвалы, отъ самыхъ враговъ исторгнутыя, сіи желанія, всею землею для него возносимыя, сіе тайное удовольствіе, которое можетъ онъ вкушать, надѣясь къ себѣ любви отъ потомства, все сіе будетъ ли единая токмо мечта и прельщеніе! Что скажу о тѣхъ великихъ умахъ, которые просвѣщали вселенную, о тѣхъ добродѣтельныхъ душахъ, которыя назидали оную? Ежели удовольствіе дѣлать добро есть первое изъ всѣхъ, то удовольствіе знать, что люди будутъ удивляться и хвалить дѣянія наши, можетъ ли

быть

быть менѣе? Когда любимъ людей, то весьма трудно не искать прїобрѣсть къ себѣ ихъ почтенїе и любовь: тѣ, кои послѣ насъ родятся, или коихъ мы оставимъ по смерти нашей, будутъ ли для насъ столько маловажны, что бы ихъ любовь и почтенїе не были ни какой цѣны въ глазахъ нашихъ? Разсужденїе потомства есть разсужденїе исполненное справедливости; само правосудїе и истинна внушаютъ оное, и что благополучнѣе, какъ имѣть на сторонѣ своей разумъ и справедливость? Но искать только единой молвы, оставлять истинну, которая находитъ не много сообщниковъ, что бы токмо слѣдовать господствующему вкусу, или обыкновеннымъ мнѣнїямъ, жертвовать всемъ желанїю, чтобъ *заставить* о себѣ говорить, предпочитать удивленїе почтенїю и любви, любить пышность и все, что ослѣпляетъ чернь, сїе есть заблужденїе разума: колико таковыхъ прославленїй погрѣбено при стопахъ гроба сихъ людей, кои всемъ жертвовали для прїобрѣтенїя оныхъ! Сїи трофеи, воздвигнутыя въ славу нѣкоторыхъ тиранновъ, сїи пышныя достопамятности могущества ихъ, сїи гробницы, украшенныя надписьми, долженствующими предать объ нихъ память наипозднѣйшему потомству, не суть болѣе, или зрятся токмо безъ пристрастїя; исторїя лучше вѣщала и

лучше извѣстила, нежели сїи похвальныя слова и надписи, послѣднее человѣкоугодїе подлыхъ ласкателей.

То, что находится драгоцѣннѣйшаго въ почтенїи и уваженїи общемъ, есть точно то, что всѣ люди получить могутъ; почесть воздання добродѣтели есть превосходнѣе почести, возданной дарованiямъ. Несправедливо бы жаловался человѣкъ, что не могши прославить имени своего, умираетъ забвенъ отъ своихъ сограждань; ибо есть много благъ, наслажденiю коими есть преимущество, и коихъ лишенїе не есть зло: не было бы даже причины жаловаться на то, что дарованїя не всегда получаютъ награжденїя и похвалы, ими заслуживаемыя; можемъ ли быть нещастны потому, что несмотря на усилїя дѣлаемыя нами для заслуженїя общаго почтенїя, и не смотря на верьховность просвѣщенїя нашего, не могли получить того, чего требовать имѣли почти право? И такъ дарованїя не столько ли имѣютъ цѣны, какъ сколько наибольшая часть людей отдаетъ имъ, и сколько тѣ, отъ коихъ зависятъ награжденїя, чтятъ ихъ своимъ покровительствомъ? Истинное удовольствїе, произходящее отъ почтенїя и общаго уваженїя, состоитъ въ удовольствїи, чувствуемомъ тогда, когда знаемъ, что мы заслуживаемъ оныя.

Есть родъ людей весьма противныхъ тѣмъ людямъ, кои желаютъ прiобрѣсть себѣ славу; они предпочитаютъ тишину и спокойствiе симъ преимуществамъ, которыя неиначе снискиваются, какъ трудами и неусыпностiю; будучи не чувствительны ко всему тому, что могутъ говорить о дарованiяхъ ихъ, они не желаютъ никакого одобренiя, и довольствуются тѣмъ, чтобъ быть любимыми отъ тѣхъ, съ коими особенная связь соединяетъ ихъ. Разрушенiе мiра причинило бы имъ меньше прискорбiя, нежели самое малѣйшее возмущенiе, лично до нихъ касающееся: наблюдая во всемъ самихъ себя, они удаляютъ все то, что могло бы возмутить покой ихъ; они суть такiя существа, которымъ недѣйствiе свойственнѣе нежели человѣчество. Какъ обманываются люди сiи, почитая праздность и нечувствiе за ту тишину и спокойствiе души, которыя вихремъ страстей возмущаются и разрушаются! Тѣ, кои боятся труда, тѣ, для коихъ упражненiе есть зломъ, суть весьма достойны сожалѣнiя; они имѣютъ врага тѣмъ опаснѣйшаго, что онъ сокровенъ, я разумѣю склонность ихъ къ празности: упражненiя самыя трудныя суть самыя способныя ко обузданiю страстей, и къ доставленiю намъ сея веселости души, перваго основанiя благополучiю: сiе блаженное положенiе

ложенїе не есть состоянїе нечувственности, которая подобится больше смертти, нежели жизни; а есть состоянїе такое, изъ котораго увеселенїе неизключено, но управляемо; въ которомъ, не страшась зависти, ненависти, сихъ мятѣжныхъ страстей, не оставляющихъ духу нашему свободы дѣйствовать, наслаждаемся сладкимъ покоемъ, то есть, удовольствїемъ. Какое неразумїе человѣка, призваннаго къ долговремяннымъ трудамъ, желать уединенїя и праздности! Тотъ, кто знаетъ свои выгоды, ищетъ упражненїя; увеселенїе послѣ труда только бываетъ прїятно.

Представте все то, что можетъ составлять предметъ желанїй человѣческихъ, вообразите потомъ людей, всѣ сїи выгоды имѣющихъ, и вы увидите, что большая часть изъ нихъ обманулась. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли обѣщать себѣ много удовольствїя отъ обладанїя житейскихъ благъ, когда не начато обрѣтенїемъ того, что составляетъ прямое благополучїе человѣка? Чего ожидать можно отъ сихъ благъ, и отъ сихъ выгодъ, которыхъ не всѣ даже люди желаютъ? Можно ли ласкаться быть щасливымъ по единымъ благамъ, которыя намъ не нужны? Было бы оскорблять Божество, полагая верьховное благо, что я говорю, полагая излишную цѣну тому, чего не даровало Оно наиболь-

шей

шей части людей. Какъ, верьховная Благость не уже ли была бы столько скупа въ дарахъ сихъ, естьли бы сїи дары могли насъ довести къ тому благополучїю, коего мы всѣ желаемъ? Нѣтъ, нѣтъ, насъ обвинять надлежитъ и во злѣ, которое съ нами бываетъ; и во прямомъ благѣ, котораго намъ недостаетъ: мы устрояемъ наше благополучие на мнѣнїяхъ нашихъ, мечта заняла мѣсто вещественности. Я здѣсь не утверждаю, чтобъ надлежало отвергать или презирать блага и увеселенїя житейскїя, сїе было бы пренебрегать благость Божїю, сїе было бы исторгать цвѣты, коими путь нашъ испещренъ, сїе было бы излишно надѣяться на силы человѣческїя: природа учинила насъ чувствительными ко благамъ и увеселенїямъ, и представляетъ намъ предметы способные доставить намъ оныя не по иному чему, какъ по тому, что Творецъ сея самыя природы благоволилъ, дабы мы наслаждались ими. Какая бы ни могла быть причина презрѣнїя, которое являютъ сїи суровыя души ко благамъ житейскимъ, она ихъ извинить не можетъ: гораздо справедливѣе обвинить ихъ можно въ самой гнуснѣйшей неблагодарности, естьли будучи жадны въ желанїи, бываютъ они не довольны въ обладанїи, и несправедливы въ потерянїи. Сїя то неблагодарность заставила людей говорить,

что

что было бы гораздо лучше никогда не наслаждаться благами житейскими, нежели наслаждаться ими только нѣкоторое время: правда, что было бы полезнѣе тѣмъ, кои употребляютъ ихъ во зло, никогда не наслаждаться ими, нежели наслаждаться нѣкоторое только время; но еще справедливѣе, что владѣть оными только на время, есть выгода для сихъ же самыхъ людей. Естьли они чувствуютъ больше прискорбія, теряя ихъ, нежели сколько чувствовали удовольствія, обладая ими, то сіе потому, что они ихъ во зло употребляли. Здѣсь говоримъ, что должно избѣгать злоупотребленія, и составить себѣ истинное о вещахъ понятіе, цѣнить блага міра сего по большему или меньшему отношенію, какое имѣютъ оныя съ истиннымъ благополучіемъ нашимъ: надлежитъ стараться познавать, чего стоятъ блага сіи, а не то, за что цѣнятся оныя.

Иногда случается, что человѣкъ почитаетъ себя достойнымъ большихъ благъ, нежели какими онъ наслаждается: причина, или лучше сказать, предлогъ неблагодарности. Мы думаемъ, что мы гораздо нещасливѣе сего малаго числа людей, кои, достигнувъ до величайшихъ честей, становятся идолами большей части рода человѣческаго: мы представляемъ себѣ, что верьховное блаженство состоитъ въ

управленіи другими людьми, какъ будто бы не было владычества гораздо большаго, какое всѣ люди имѣть могутъ, какъ будто бы не было гораздо большія славы въ успѣшномъ бореніи со страстьми своими, и во исправленіи тѣхъ, кои живутъ съ нами, добрымъ примѣромъ, какой подать имъ можемъ. Воздадимъ славу истиннѣ, мы всѣ имѣемъ почти одни и тѣже преимущества, не много больше блага, не много больше зла, вотъ вся разность. Наше зрѣніе не много короче, не много слабѣе, нежели зрѣніе другихъ, для насъ есть довольное: можете ли, безъ стыда, возроптать на промыслъ? что даровалъ оный нѣчто другимъ болѣе, между тѣмъ какъ осыпалъ васъ наидрагоцѣннѣйшими благами, и не отказалъ вамъ ни въ чемъ, что можетъ нужнымъ быть ко благополучію вашему? Нѣтъ ни въ благахъ, коихъ вы желаете столько единственно прежде обладанія оными, тѣхъ выгодъ, какія быть въ нихъ мните: ни въ бѣдахъ, которыя вы почитаете неудобосносимыми только по безмѣрной привычкѣ вашей къ житейскимъ сладостямъ, того мученія, кое вы увеличиваете. Вы желаете многаго, вотъ зло и мученіе: потребно ли толико вещей, что бы наслаждаться жизнію, и получить изъ состоянія, въ коемъ находимся, тотъ плодъ, какой получить изъ него долженствуемъ? Нужно

ли,

ли, для удовольствія вкусовъ и прихотей, даже въ отдаленнѣйшихъ странахъ, искать яствъ, которыя презираются другими народами, и которыя имъ извѣстнѣе нежели намъ; копать землю, и жертвовать нашей роскоши миліономъ людей, намъ работствующихъ, потому что они слабѣе насъ? Вмѣсто того, что бы ограничиваться потребностями природы, толь малымъ довольныя, мы растравляемъ вкусъ, отъемлемъ у него удовольствіе наслаждаться тѣмъ, что ему прилично: разрушаемъ здравіе свое, и полагаемся на искуство. Лѣчебная наука не есть болѣе искуство помогать естественнымъ слабостямъ рушащіяся машины, она здѣлалась наукою нужною тому, кто хочетъ лѣчить людей отъ болѣзней, какія они сами себѣ причиняютъ. Такова есть сила ослѣпленія и страсти, бѣжимъ къ погибели своей для увеселеній, которыя однакожъ не суть увеселенія. Сластолюбцы, вы, которые провождаете жизнь свою, превосходя одинъ другаго, ваши увеселенія, искуствомъ произведенныя, не стоятъ ничего въ сравненіи съ увеселеніями сего спокойнаго земледѣльца, коего жажду чистая изъ источника вода утоляетъ. Праотцы наши, кои сами приготовляли наипростѣйшія яствы, коимъ земля служила вмѣсто постели, коихъ обиталища были ни палаты, ни крѣпкія замки, коихъ храмы безъ

злата

злата и безъ украшеній не представляли уму ихъ инаго, кромѣ Божества познаннаго по его благотвореніямъ, хранили со своими добродѣтельми преимущество слѣдовать гласу природы. Коль велико заблужденіе тѣхъ, кои думаютъ, что не можно жить безъ пособій, естьли не опасныхъ, то по крайнѣй мѣрѣ безполезныхъ! Какія имѣете вы желанія! Какія дѣлаете усилія, что бы доставить себѣ излишное всегда безполезное, иногда опасное, часто обременительное! Друзья подлые, родители безразсудные, вы воспитываете дѣтей своихъ посреди проклинаній, ваши желанія суть желанія зла, вы не умѣете любить: дѣти сіи были бы крѣпки, а вы разслабляете тѣло ихъ, излишно сберегая; они были бы трезвы, а вы приучаете ихъ къ нѣжности, которая имъ дорого будетъ стоить; они были бы добродѣтельны, а вы внушаете имъ гордость и желанія, добродѣтелію охуждаемыя; они были бы скромны, а вы увѣряете ихъ, что будутъ они нѣкогда умы превосходные; они были бы цѣломудренны, а вы возбуждаете въ нихъ опасное любопытство; вы желаете имъ богатства, вмѣсто того, что бы желать добродѣтели; вы желаете имъ блистательнаго щастія, вмѣсто того, что бы желать имъ сего спокойствія души, перваго основанія благополучію; вы заставляете

ихъ

ихъ желать житейскихъ благъ съ толикою ревностїю: на что должны они взирать по крайнѣй мѣрѣ съ безпристрастїемъ, то обѣщаете вы имъ, какъ ободренїе, то даете вы имъ, какъ награжденїе. Перемѣните поступокъ свой; можетъ быть остается еще для сего время; вмѣсто того, что бы воспитывать ихъ по образу большаго свѣта, воспитывайте ихъ по правиламъ мудрости; вмѣсто того, что бы научать ихъ, подъ обманчивымъ именемъ вѣжливости, ужасному искуству провождать жизнь въ притворствѣ, во лжи и обманахъ, научайте ихъ поступать чистосердечно: да младыя насажденїя сїи, возрастая между вами, обѣщаваютъ благїе плоды, да заря дней ихъ сїяетъ только мудростїю, добродѣтелїю и истинною!

Между множествомъ желанїй, коими люди возбуждаются, есть одно такое, которое, кажется, опровергаетъ все мною утверждаемое: мы видимъ людей жалующихся безпрестанно на слабости человѣчества, стенящихъ отъ прошедшихъ погрѣшностей своихъ, желающихъ нетерпѣливо здѣлаться лучшими, и провождающихъ, такъ сказать, жизнь свою между страхомъ дѣлать зло, и сожалѣнїями о содѣланїи онаго. Естьли бы подлинно сїе такъ было, я бы согласился, что люди суть нещастны, и что они

жалуются справедливо; но сколько ослѣпленія въ семъ умствованіи! Не входя здѣсь въ славный вопросъ о злѣ нравственномъ, и не повторяя удивительныхъ разсужденій Ѳеодикеи, я требую только, что бы сіи непостоянныя желанія отличены хорошенько были отъ твердаго намѣренія дѣлать добро; мы склоняемся всегда къ тому, что предпочитаемъ. Раскаяніе, какое чувствуемъ по содѣланіи зла, не доказываетъ того, чтобъ мы были привязаны къ добродѣтели; оно доказываетъ только, что по содѣланіи зла, мы желали здѣлать добро, то есть, что когда не находимъ удовольствія во злѣ, мы не имѣемъ больше желанія дѣлать оное, такъ какъ находя въ немъ удовольствіе, мы не желаемъ болѣе дѣлать добро. Но человѣкъ, говорятъ, хотѣлъ бы никогда не желать зла; то есть, хотѣлъ бы онъ никогда не хотѣть зла: но хотѣть есть дѣйствіе свободы, человѣкъ не можетъ желать не быть свободнымъ желать и дѣлать зло; ибо онъ престалъ бы чрезъ то быть добродѣтельнымъ, потому что добродѣтель есть свободный выборъ лучшаго. Истинное желаніе есть нераздѣлимо со усиліями, а поддерживаемыхъ усилій всегда довольно: тщетная отговорка, что страсти препятствуютъ намъ быть свободными, потому что нѣтъ такой страсти, коея бы укротить мы не

не могли, естьли бы того хотѣли. Пожелалъ ли бы человѣкъ, что бы Богъ положилъ его въ числѣ тѣхъ небесныхъ духовъ, коихъ разумъ стольже чистъ, какъ и добродѣтель? Но онъ бы не былъ тогда ни тотъ же человѣкъ, ни даже человѣкъ, а было бы то другое существо, на мѣсто его созданное: естьли разобрать сїе желанїе, оно не другое что покажетъ, какъ раскаянїе быть человѣкомъ и существовать: желать ума и добродѣтели духовъ безсмертныхъ, есть желать не имѣть слабостей, съ человѣчествомъ сопряженныхъ; сїе есть желать, что бы человѣкъ былъ разрушенъ, дабы на мѣсто его было другое существо, съ нимъ ничего общаго не имѣющее: человѣкъ не можетъ существовать безъ слабостей, потому что онъ есть творенїе, ограниченное собственною природою. И такъ ежели спроситъ кто, для чего люди не рождены имѣть больше добродѣтелей и разума, для чего требуетъ естество ихъ имѣть много слабостей, и для чего даже не суть они столько добродѣтельны и столько просвѣщенны, сколько бы могли быть; то при семъ надлежало бы знать, что лучше, существовать ли человѣку, какъ человѣку, или со всемъ ему не существовать: вѣщайте и обвиняйте, естьли смѣете, верьховную Премудрость: что касается до меня, то я заключаю, что добро

существовать человѣку, ибо онъ существуетъ; я полагаюсь въ томъ на сїе всесильное Существо, которое не можетъ инаковымъ быть, какъ совершенно благимъ. Довольно сего, что ни побужденїй, ни средствъ ко учиненїю насъ лучшими, намъ не недостаетъ; ежели трудно сражаться всегда, и слѣдовательно укрощать всегда свои страсти, то и здѣлать сего не возможно, и мы успокоиться можемъ, здѣлавъ все то, что могли здѣлать.

Да будемъ столько добродѣтельны, сколько возможно, и не будетъ болѣе золъ для насъ; жалобы наши изчезнутъ, желанїя, рожденныя страстями нашими, не будутъ насъ болѣе мучить день и ночь; заря не будетъ освѣщать толико законопреступныхъ хотѣнїй, несомыхъ даже ко стопамъ олтарей. Въ насъ самихъ должны мы искать жилище благополучїя: въ насъ самыхъ находимъ мы источникъ истинныхъ увеселенїй. Отъ насъ зависитъ умножить степени нашего благополучїя, умножая преимущества наши, и совершенствуя наши добродѣтели и просвѣщенїе: мы сами дѣлатели и властители истиннаго нещастїя нашего. Естьли справедливо, что блага житейскїя текутъ къ тѣмъ, кои ищутъ ихъ со тщанїемъ, то еще гораздо справедливѣе сказать можно сїе о тѣхъ преимуществахъ, которыя долженствовали бы быть предметомъ

метомъ желаній. Да будемъ справедливы и правосудны: признаемъ настоящую цѣну и число благъ нашихъ; во всей природѣ нѣтъ ничего, что бы не обязывало насъ къ совершеннѣйшей благодарности: пѣніе птицъ есть вопль, произносящіи на насъ осужденіе.

Колико благъ для человѣка! Я произшелъ изъ ничтожества, достигнулъ до существованія, юность моя спасенная отъ опасностей, какимъ принуждена была она быть подверженна: я чувствую увеселеніе, взирая на прекрасную природу, представляющую очамъ моимъ зрѣлище наивосхитительнѣйшее: самые согласные тоны прельщаютъ ухо мое, и вдыхаютъ мнѣ чувствіе; цвѣты разливаютъ пріятное благовоніе; я вкушаю пищи, которыя умножая охоту во мнѣ, умножаютъ силы мои; сладостное осязаніе внушаетъ мнѣ увеселенія, которыя увѣряютъ меня о бытіи, а желанія мои, управляемыя разумомъ, управляютъ душу мою, ея не возмущая; спокойный сонъ приходитъ возстановить силы мои, око мое закрывается на нѣсколько часовъ, и паки отверзается, что бы узрѣть Аврору съ новымъ удовольствіемъ; пріятное нѣкое въ минуты сіи упоеніе духа, мудростію никогда не оставляемаго, занимаетъ мѣсто сихъ мятежныхъ желаній, слѣпыми страстьми раждаемыхъ. Довольно надивиться

виться не можно, съ коликимъ попеченіемъ помышляла природа о учиненіи состоянія нашего блаженнымъ; она премѣняетъ не чувствительно вкусы наши помѣрѣ того, какъ премѣняются нужды наши съ возрастомъ нашимъ: отрочество имѣетъ увеселенія продолжительныя, юность имѣетъ увеселенія живыя, зрѣлый возрастъ имѣетъ спокойныя, а старость, имѣя увеселенія мѣдленныя, чувствуетъ ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ рѣже бываютъ оныя. Живость увеселеній умножается съ числомъ ихъ, для юности, которая не столько бы чувствовала оныя, естьли бы они не столько были живы; потому что юность много ихъ имѣетъ: надлежитъ, что бы живость нѣкоторыхъ была столь велика, чтобъ могла господствовать надъ душами, остановливающимися толь мало при однихъ и тѣхъ же предметахъ.

Къ толь многимъ преимуществамъ прибавимъ и неоцѣненный даръ мыслить; соравнимъ себя на минуту съ животными, машинами, или одушевленными разумомъ различнымъ отъ вещества; колико превосходства въ человѣкѣ! Сколько бы ни слабо было просвѣщеніе наше, но даръ мыслить есть даръ великій. Сей даръ природы привелъ насъ въ состояніе дѣлать множество вещей способными къ нашему употребленію, снабдѣвать нужды наши, жить въ обществѣ, учреждать установленія,

вленія, и доставлять на конецъ тѣмъ, кои пользуются разумомъ своимъ, драгоцѣнное преимущество приобрѣтать познанія, размышлять, и провождать наисладчайшія минуты жизни въ ученіи истинны и премудрости, преимущество, превосходящее и самое великое щастіе.

Мало есть людей, кои бы не чувствовали сладостей дружбы, нѣтъ ни одного, кто бы чувствовать не могъ оныхъ, кажется даже, что прилѣпленіе есть не зависимо отъ добродѣтелей и дарованій. Блаженъ тотъ, кто находитъ друга, коему ввѣренная тайна не есть тяжкое бремя, коего обращеніе есть полезное увеселеніе, коего предложенія суть мудрые совѣты, коего веселость можетъ прогнать печаль нашу, коего взоръ оживотворяетъ увеселенія наши, кой, исполненъ будучи правоты, умѣетъ быть добродѣтельнымъ, и исполненъ будучи нѣжности, умѣетъ любить друзей своихъ, кой, удаляясь отъ притворства, поступаетъ съ симъ чистосердечіемъ, толь мало свойственнымъ для людей обыкновенныхъ, кой просвѣщая разумъ свой, полагаетъ всему справедливую цѣну, и не предпочитая сего ложнаго блеску ослѣпительнаго для очей, худо видящихъ, сему злату, въ нѣдрахъ земныхъ сокрытому, умѣетъ жить и мыслить! Кто знаетъ удовольствія дружбы, кто чувствуетъ, доколѣ можетъ

простираться сїя нѣжность чувствїй, тотъ наслаждается сими *излїянїями* души усладительнѣйшими, нежели всѣ благопрїятства щастїя. Да не обманываемъ себя въ томъ; есть ничто, притворять только чувствїе, которое испытать надлежитъ. Мало людей знаю, кои бы любить умѣли. Я вопрошаю васъ самихъ, гдѣ тѣ, предъ очами коихъ, не скрываете вы большей части вашихъ мыслей, гдѣ тѣ, коихъ вы не пренебрегаете, когда выгоды ваши или щастїе того требуютъ? Вы, вы хотите познать прїятности дружбы, и оставляете друга, что бы лѣтеть въ объятїя особы презираемой, и можетъ быть ненавидимой вами! И такъ не оскверняйте священное имя друга. Поношенїе человѣческаго рода, кинжалъ вонзается во грудь особы, которую обнимали! Наиласковѣйшїй прїемъ, наисокровеннѣйшїя повѣренности, наитвердѣйшїя увѣренїя вѣчной дружбы суть сопровождаемы обманомъ, и возслѣдуемы жесточайшимъ злословїемъ. Ахъ! по что не могу я жить отъ васъ далеко, сердца вѣроломныя, души подлѣйшїя! Всякой день я вижу васъ исполненныхъ коварства къ тѣмъ, коихъ вы любить не можете, и всегда готовыхъ вредить тѣмъ, коихъ вы любить показываетесь. Вотще, вотще будете мнѣ говорить о законахъ учтивства и пристойности, нѣтъ законовъ

противныхЪ добродѣтели и истиннѣ. Одна подлость, одна гнусная любовь кЪ своимЪ выгодамЪ сражается сЪ священными должностями добродѣтели. НѣтЪ, вы не знаете любить, вы подавляете сіе сладкое чувствіе, которое вкушать отЪ васЪ зависело.

А любовь, сей огнь, оживотворяющій всѣ чувства наши, производящій вЪ очахЪ нашихЪ восторгающее пламя, развязующій языки наши, раждающій сіи молчанія еще выразительнѣйшія, нежели разговоры самые нѣжнѣйшіе, изгоняющій изЪ умовЪ нашихЪ все то, что чуждо есть предмету нашихЪ желаній, приводящій вЪ біеніе сердца наши, и подающій намЪ сіи блаженныя минуты, кЪ которымЪ и согбенный подЪ тяжестію лѣтЪ старецЪ еще бываетЪ чувствителенЪ; а любовь не множество ли увеселеній доставляетЪ намЪ? Сердца чувствительныя кЪ сему сладкому чувствію, колико вы блаженны, когда вы, не смѣшивая необузданнаго бѣшенства слѣпыя страсти сЪ покойнымЪ чувствіемЪ живѣйшаго дружества, умѣете любить, и предпочитать увеселенія сердца тѣмЪ грубымЪ увеселеніямЪ, которыя довольствуютЪ обыкновенныя только души! Но гдѣ суть тѣ нѣжныя и страстныя сердца? Я не нахожу ихЪ болѣе, я не вижу кромѣ жертвЪ, приносимыхЪ щастію: то, что долженствовали лобызать руки любви,

есть осквернено гнусными руками старца, у коего злато заняло мѣсто пріятностей, а невоздержность мѣсто чувствія. Владычество сребролюбія беретъ верхъ надъ чувствіемъ. Заключаются во внутренность украшеннаго дома стенать доколѣ безпорядокъ не привлечетъ раздора, послѣ брака: сіи нещастные супруги, обязанные искать развлеченій, не входятъ болѣе въ домъ, какъ только для возобновленія мысли о страданіяхъ своихъ. Ахъ брачная свѣща, почто горишъ ты огнемъ толь мрачнымъ! Жестокіе родители, вы, которые не разсуждая о благополучіи чадъ вашихъ, связуете толь не сходные узлы, колико уничтожаете удовольствій въ единую минуту, и колико бѣдствій производите! Или вы не находились никогда въ сихъ положеніяхъ, когда восхищенная душа не видитъ, и не чувствуетъ кромѣ одного предмета, когда нещастіе не имѣетъ больше власти, когда всѣ напасти забываются, когда все молчитъ, кромѣ воздыханій: минуты блаженныя! Все умерло для того, кто не любитъ, все возраждается и все живетъ для того, кто любитъ. Почто не полагаете вы и больше свободы, и больше благоразумія въ удовольствіяхъ вашихъ! Какое зло есть въ томъ, что бы любиться? Непрестанно природа вѣщаетъ намъ о любви! Она всякой день повторяетъ намъ, что серд-

ца наши для сего только зделаны. Вы, въ коихъ дружество никогда не обитало, вы, кои осуждаете во дни старости вашей тотъ огнь, котораго воспалить вы уже не можете, ваши смѣхи и ваши разсужденія, ваши ругательства и обиды ваши, плодъ заблужденія, долженствуютъ ли полагать законъ человѣчеству? Нѣтъ, воспѣвайте, нѣжные любители, воспѣвайте удовольствія любви, покоясь подъ тѣнію прекраснаго дуба близь прозрачнаго источника, гдѣ птицы присовокупятъ пѣніе свое ко вздохамъ вашимъ, спѣшите вкусить увеселенія, природою для васъ уготованныя. *Вся пріятность весенныхъ* прекрасныхъ дней, все благополучіе тѣхъ, коимъ благопріятствуетъ щастіе, вся радость человѣка избѣжавшаго смерти, все веселіе нѣжныя матери, паки находящія сына, коего погибшимъ она почитала, не могутъ сравниться съ сею внутреннею радостію, которая производится увѣреніемъ быть любиму отъ того, что любимъ сами. Вся душа наша занимается, и сіи минуты исполненныя сладости, за коими никогда не слѣдуетъ разскаяніе, суть увеселенія для каждаго часа жизни нашей.

Еще не все: я вижу сограждан моихъ, отечество мое, моего государя, могу имъ быть полезенъ, они сотворены для моего благополучія: коль сладостно говорить къ самому себѣ: я служилъ отечеству моему!

моему! И всякой человѣкъ можетъ наслаждаться благомъ симъ. Послѣдняя минута жизни нашея и оное ужаснѣйшее состоянїе могутъ еще доставить случай подать нашимъ гражданамъ знаки любви нашей. Сїя къ отечеству любовь, которую одни простерли даже до безчеловѣчїя, и которую другїе толь мало знали, что, желая быть гражданами свѣта, не были гражданами ни какой страны, есть добродѣтель, потому что любовь къ людямъ есть добродѣтель; благо обществъ требовало, чтобъ наше прилѣпленїе къ людямъ имѣло степени, и чтобъ было оное больше къ тѣмъ, коихъ особеннѣйшая связь совокупляетъ съ нами. Науки и художества успѣхами своими должны любви къ отечеству, знаменитѣйшїя дѣянїя должны оной рожденїемъ своимъ. Почтенїе и удивленїе принадлежитъ внутренному достоинству, а любовь узлу, связующему человѣковъ: кто удивляется садамъ Лукуловымъ, тотъ имѣетъ большую причину любить малый свой огородъ; онъ служитъ къ его отдохновенїю и увеселенїямъ: довольно, чтобъ почтенїе было не зависимо. Но весьма часто случается, что люди мало любятъ свое отечество: они жалуются на него почти всегда: въ несправедливостяхъ, какїя можно получить отъ онаго, нѣтъ ничего сильнѣе къ утѣшенїю какъ любить сїе самое отечество, намъ неспра-

несправедливость оказавшее. Рутилій, сей великодушный Римлянинъ, будучи въ изгнаній, отвѣтствовалъ тому, кто внушалъ ему надежду къ возвращенію, по причинѣ междуусобныхъ браней, коими Римъ былъ угрожаемъ: *что я тебѣ здѣлалъ, что ты желаешь мнѣ возвращенія болѣзненнѣйшаго нежели изгнаніе мое? Не лучше ли, что бы отечество мое стыдилось изгнанія моего, нежели плакало о возвращеніи моемъ.*

Просвѣщеніе разума и дарованія суть такія преимущества, которыя приобрѣсть отъ насъ зависитъ, по крайнѣй мѣрѣ до нѣкоего степени. Наипаче философія сей драгоцѣнный даръ отъ Всеблагаго изъ всѣхъ существъ, сія наука, имѣющая предметомъ своимъ Бога, міръ и человѣка, которая недовольствуясь тѣмъ, что примѣчаютъ чувства, но проразумѣвая нѣчто далѣе, ищетъ того, что природа сокрыла отъ взора нашего, которая изторгаетъ насъ изъ нѣдръ мрака, которая разрушаетъ предразсудки наши, и сражается съ нашими страстьми, которая приводитъ насъ къ свѣту, истиннѣ и добродѣтели; философія, говорю, есть сдѣлана для всѣхъ людей: не подумаемъ, что бы состояла она въ сихъ темныхъ тонкостяхъ, въ семъ суетномъ искуствѣ уловлять разумъ хитросплетенными доводами, въ сихъ разбирательствахъ, приводящихъ къ блестящимъ только химерамъ, въ системахъ

махъ привоборствуемыхъ и защищаемыхъ съ равнымъ успѣхомъ, въ сихъ положенiяхъ, гдѣ правдоподобiе жертвуемо бываетъ тому, что есть остроумно, гдѣ власть сильнѣйшая нежели разумъ, предполагаетъ доказательства, коихъ совсемъ не находится. Естьли вы видите человѣка упрямаго во мнѣнiяхъ своихъ, презирающа всѣхъ, не одинаково съ нимъ мыслящихъ, поставляюща обидный смѣхъ на мѣсто разсужденiй, и разсужденiя на мѣсто причинъ, вооружающагося на заблужденiя насмѣхательствомъ, осмѣявающа мнѣнiя вмѣсто того, что бы опровергать оныя, подтверждающа и отрицающа безъ всякаго замедленiя и защищающа систему свою, такъ какъ будто бы уже постыдно было защищать что нибудь другое, естьли вы видите, говорю, такого человѣка, знайте, что то не философъ. Философiя возвышаетъ души наши: что бы намъ пользы было родиться на свѣтъ, естьли бы намъ только тѣло сохранять надлежало? Всѣ люди призваны участвовать въ сокровищѣ семъ, потому, что всѣ люди имѣютъ разумъ, который отъ времени открывается, и который учительми въ совершенство приводится: то, что отличаетъ записныхъ, такъ сказать, философовъ отъ тѣхъ, кои не могли очистить дарованiи своихъ, не есть самое драгоцѣнное.

Фило-

Философія внушаетъ Государямъ, что ихъ владычество состоитъ менѣе въ употребленіи власти ихъ, нежели въ многотрудномъ попеченіи о благѣ народа ихъ; она возвращаетъ ихъ государствамъ ихъ, изхищая ихъ отъ утѣхъ, которыми они окружены; она показуетъ людямъ, откровеніемъ не наставленнымъ, что есть Богъ, и почтеніе должное Существу сему, почтеніе, ограничивающееся исканіемъ истиннаго благополучія. Презримъ сію философію, которая отъемлетъ у Бога правленіе міра, которая отторгаетъ отъ отечества, меньше по началамъ человѣчества, нежели по какому то неизвѣстному восторженію, которая, что бы заставить насъ взирать на всѣхъ людей одинаковымъ окомъ, ни одного изъ нихъ любить не заставляетъ, которая состоитъ болѣе въ безполезныхъ тонкостяхъ, нежели въ мудрыхъ совѣтахъ, болѣе въ пустыхъ вопросахъ, нежели въ истиннахъ дѣятельныхъ.

Когда приведемъ себя въ состояніе чувствовать удовольствіе ученія, тогда нѣтъ ничего увеселительнѣе какъ минуты размышленія, съ успѣхомъ здѣланнаго. Посмотрите на сего Архимеда, вмѣщающагося въ самаго себя, вникнувшаго въ отвлеченныя мысли, онъ ищетъ истинны: она начинаетъ освѣщать его, новый лучь блещетъ очамъ его: восхищенный съ радостію

радостїю восклицаетъ: *я нашелъ ее*: колико неудобствъ разсыпается! Довольный трудомъ своимъ, онъ его покидаетъ для отдохновенїя, и чувствуетъ въ самомъ себѣ цѣну сего просвѣщенїя, которое приближаетъ насъ къ Божеству. Но не всякое ученїе есть ученїе мудраго: вмѣсто познанїя того, что можетъ увеселять съ прiятностїю, научайтесь тому, въ чемъ состоитъ истинное благополучїе: вмѣсто того, что бы обратить любопытное око на употребленїя большаго свѣта, научайтесь, какъ должно любить родителей и друзей своихъ: вмѣсто того, что бы стараться открыть, по цѣломудрїю ли, или по гордости умертвила себя Лукрецїя, научайтесь тому, въ чемъ состоитъ цѣломудрїе: вмѣсто того, что бы употреблять день и ночь на познанїе средствъ, могущихъ защищать имѣнїе ваше отъ обмановъ и насилїя, научайтесь терять оное безъ роптанїя. Наипаче употребляйте просвѣщенїе ваше на прямый онаго конецъ, употребляйте его на ученїе васъ лучшими; оно есть добро, Провиденїемъ вамъ повѣренное: страшитесь быть въ замешательствѣ, естьли спросятъ васъ, какой вы получили плодъ отъ ученїя и старанїя вашего? Сколько есть ученыхъ и блистающихъ умовъ, которыхъ можно упрекать, что замѣняли они разумомъ разсужденїе, памятью разсудокъ, наружностями

ностями добродѣтели самую добродѣтель! Уже ли на всегда будетъ справедливо, что науки и художества дѣлаютъ людей завистливыми, безпокойными и мрачными? Не уже ли только то, что нравится, справедливымъ почитать станутъ? Уже ли презрительный тонъ будетъ навсегда или награжденіемъ отмѣннаго чистосердечія, или наказаніемъ заблужденія гораздо меньше грубаго, нежели большая часть тѣхъ заблужденій, которыя мы хранимъ даже до послѣднихъ минутъ жизни нашея? Исправтеся отъ пороковъ вашихъ, будьте полезны вашимъ согражданамъ, избавте ихъ отъ какихъ ниесть заблужденій, поспѣшите для потомства открытіемъ какихъ ниесть истиннъ, послужите путеводительми для тѣхъ, кои послѣ васъ жить будутъ. Надменные мудрецы, естьли бы вы вѣдали, что есть все ваше знаніе, вы бы сокрылись, устыдясь заблужденій своихъ! Ахъ! Ганяйтесь послѣ сего, ганяйтесь за пышными похвалами просвѣщенія вашего; честный человѣкъ полагаетъ все свое стараніе въ томъ, чтобъ заслужить похвалу нравовъ своихъ, свойства и добродѣтелей своихъ. Просвѣщеніе разума, всѣ сіи, съ толикимъ трудомъ собранныя сокровища, имѣютъ цѣну только тогда, когда сердце добродѣтельно; просвѣщеніе подобно цвѣтамъ и другимъ украшеніямъ, которыя отъ тру-

 довъ

повъ не отнимаютъ ничего, что имѣютъ они гнуснаго, и которыя живыхъ только украшаютъ.

Одно, и безъ сомнѣнія первое изъ вещественныхъ преимуществъ щастія, есть удовольствіе благодѣтельствовать: но всѣмъ людямъ, хотя не равно, дано наслаждаться онымъ: колико представляется случаевъ всякой день дѣлать добро, надлежитъ только не опускать оныхъ. Сіе удовольствіе отравою наполнили люди; зло въ благотвореніи самомъ бываетъ отъ дающаго, зло въ неблагодарности бываетъ отъ получившаго. Давать только для того, что бы обязать къ благодарности тѣхъ, коимъ даемъ; давать не прежде какъ купятъ у насъ благодѣяніе поступками самыми уничижительными, и страхомъ немилосердаго отказа, давать съ высокомѣріемъ, что бы заставить почувствовать верьховность нашу, ждать, что бы нужда учинилась крайнею, и возвысить цѣну даемаго, сіи суть средства, отъемлющія отъ благодѣяній все то, что имѣютъ они пріятнаго, дѣлающія ихъ даже въ тяжесть тѣмъ, которые получаютъ. Да жалуемся послѣ сего на неблагодарность толь великаго числа людей; жестокость благодѣтеля освобождаетъ отъ благодарности. Получить съ трудомъ, дѣлать что нибудь изъ благодарности только потому, что опасно быть

неблаго-

неблагодарнымъ, находиться уничиженнымъ благодѣяніями, искать въ благодѣяніи самомъ причинъ къ неблагодарности и забвенію, есть отказывать благодѣтелю въ удовольствіи, тогда какъ онъ намъ дѣлаетъ весьма великое удовольствіе: да жалуемся послѣ сего на жестокость тѣхъ, кои могутъ намъ дѣлать добро; трудно одолжать неблагодарныхъ. Сіе внутреннее увеселеніе, чувствуемое во вспомоществованіи нещастнымъ, сія радость, вкушаемая отъ утвержденія мира и спокойствія среди печальныхъ фамилій, отъ поданія силъ симъ старцамъ, колико лѣтами толико бѣдностію угнѣтаемымъ, сіе сладостное удовольствіе, ощущаемое отъ приведенія на путь добродѣтельный человѣка заблудшаго, отъ просвѣщенія душъ, во мракѣ погребенныхъ, отъ поддержанія колеблющихся шаговъ буйныя юности, суть такія блага, коими наслаждаться отъ насъ зависитъ. Во всякомъ состояніи человѣческія жизни представляются случаи къ благотворенію людямъ, для чего же опускать оные? Воззрите на сихъ великодушныхъ благотворителей, можно сказать, что требовать отъ нихъ благодѣянія есть воздавать имъ самимъ: они лѣтятъ на помощь находящимся въ нуждѣ, прежде нежели призываютъ ихъ, они освобождаютъ отъ благодарности, любовь

ихъ къ человѣкамъ есть свѣтъ, ихъ сопровождающїй, и огнь, ихъ оживотворяющїй.

Есть благо, тѣмъ драгоцѣннѣйшее, что оно замѣняетъ многїя другїя, и насъ никогда не оставляетъ, сїе есть надежда: противное зло есть отчаянїе, прибѣжище слабыхъ душъ. Злощастїя жизни никогда не потушаютъ надежды, она есть вѣрный залогъ будущаго благополучїя. Какой Богъ управлялъ бы мїромъ симъ, естьли бы тиранъ спалъ спокойно, между тѣмъ какъ угнетенная невинность находилась бы безъ помощи? Никокреонъ истощивъ свое неистовство надъ философомъ Анаксархомъ, не исторгъ отъ него, кромѣ доказательства безплодныя мести. Отчаянїе есть кинжалъ, коимъ раздираемъ рану, удобную ко излеченїю: для чего намъ безумствовать, когда остается для насъ толь великое число побужденїй къ утѣшенїю? Въ нѣдрахъ золъ надежда поддерживаетъ насъ, она есть заря прекраснаго дня, нѣтъ вѣчныя ночи. Надежда снизшла положить равенство между человѣками: сїи человѣки, почитаемые благополучными, не были бы безъ нея благополучны; естьли бы мы могли читать въ сердцѣ ихъ, мы бы увидѣли, что житейскихъ благъ не довольно для человѣка: но мы знаемъ сїе на опытѣ такъ, что сомнѣваться не можемъ. Можетъ быть сей нещастный, просящїй милостины

стины у вратъ сихъ Вельможъ, гдѣ пышность и изобиліе весьма извѣстны, есть щастливѣе ихъ: онъ ѣстъ съ большимъ удовольствіемъ, онъ спитъ съ большимъ спокойствіемъ, онъ меньше боится вражды, гоненій, смерти: онъ есть какъ легкое судно, волнуемое вѣтрами, но не разбиваемое, между тѣмъ какъ нагруженное судно низвлекается на дно водъ; надежда поддерживаетъ его.

Кто знаетъ Бога, тотъ ему и служитъ: сіе Существо не требуетъ нашей помощи, оно намъ ея предлагаетъ: мы еще ничего не здѣлаемъ, естьли постараемся имѣть справедливое понятіе о служеніи, какое мы воздавать ему должны; имѣть ложное понятіе о верьховномъ Существѣ есть почти тоже, что и отвергать бытіе его. (*) Законъ чтитъ его, суевѣріе нарушаетъ права наисвященнѣйшія, невѣріе призираетъ ихъ: законъ открываетъ намъ средства ко учиненію себя благополучными, суевѣріе предполагаетъ въ выборѣ сихъ средствъ недостатокъ премудрости или благости, невѣріе разрушаетъ ихъ. Благочестивый человѣкъ находитъ радость въ бѣдствіи самомъ, онъ отторгаетъ отъ благополучія терніе, коимъ окруженно оно; онъ живетъ споко-

 енъ,

(*) Quid intereſt utrum Deos neges aut infames. Seneca epiſt. 123.

енъ, и умираетъ съ удовольствïемъ; онъ поступаетъ шагомъ далѣе философа. Посмотрите на сего храбраго воина по пятидесятилѣтней службѣ его, или лучше сказать, по пятидесятилѣтнемъ рабствѣ и страданïи, безъ надежды щастïя, нынѣ почти безъ всякой бодрости, онъ еще усиливается сражаться за права, ему неизвѣстныя, онъ объемлетъ, разставаясь, дѣтей своихъ и жену, благословляетъ ихъ, и не чаетъ болѣе увидѣть ихъ: падъ на полѣ сраженïя, онъ молится и умираетъ, вопрошая, въ живыхъ ли государь, и чья побѣда. Таковъ есть плодъ благочестïя, гдѣ наиприятнѣйшее изъ всѣхъ приношенïй есть самое то, что насъ творитъ благополучными!

Будьте добродѣтельны, и все будетъ добро, но будьте истинно добродѣтельны. Вы избѣгли пороковъ души, вы не знаете постыднаго искуства притворствовать и ослѣплять, сердце ваше не раздвоенно, сребролюбïе ваше не простирается до того, что бы отказать себѣ въ томъ, что можетъ причинить вамъ удовольствïе, роскошь ваша не простирается до того, что бы принудить васъ приобрѣтать паки постыднымъ образомъ то, что расточили вы безстыдно; честолюбïе ваше не доводило васъ никогда до гнусныхъ подлостей, самолюбïе ваше не производило еще непримиримыхъ враждебствъ и жесто-

кихъ

кихъ мщеній: сіе есть ничто, вы только такой человѣкъ, коего не презираетъ общество; войдите въ самихъ себя, и посмотрите, достойны ли вы почтенія и любви онаго.

Будьте добродѣтельны, и все будетъ добро, но имѣйте столько мужества, что бы и казаться таковыми посредѣ сихъ порочныхъ, добродѣтель осмѣвающихъ. Сколько есть людей, надъ коими не господствуютъ страсти, и кои престаютъ быть добродѣтельными, страшась презрѣнія, которымъ хвалиться бы надлежало! Сіи боязливыя души, у коихъ страхъ посмѣянія отъемлетъ разумъ, трепеща, несли бы дары свои ко стопамъ олтарей, естьлибъ подозрѣвали, что оскорбительный смѣхъ будетъ презирать набожность ихъ. Коль справедливо, что самыя пустыя выгоды бываютъ иногда самыми любезными: становимся порочными, и даже преступниками, по неумѣренному желанію нравиться. Сколько есть молодыхъ вертопраховъ, для коихъ вѣра не имѣетъ ничего священнаго, коль скоро надобно показать разумъ, и мнимую философію, разсудкомъ никогда не одобряемую! Смѣются надъ молодымъ человѣкомъ, естьли строга добродѣтель его, таковъ есть обычай большаго свѣта, коего онъ не знаетъ, то есть, что свѣтъ еще не развратилъ его: должно надѣяться, хо-

тять сказать сіи узники пороковъ и страстей, должно надѣяться, что онъ научится лгать безстыдно, притворствовать рачительно, ласкать тѣмъ, коихъ ненавидитъ, остроумно злословить, увѣрять съ твердостію, всемъ жертвовать своему щастію, съ пріятностію смѣяться надъ всемъ, что ни есть священнѣйшаго и благоговейнѣйшаго, почитать людей по ихъ богатству, довѣренности и власти. Что дѣлается съ душами наименьше поврежденными? Начинаютъ молчаніемъ и устыденіемъ отъ собственныя своея добродѣтели, бремя безпокойное, кидаютъ оную, піютъ ядъ: *скоро уподобясь* развратившимъ насъ, мы развращаемъ другихъ, до сего то доводитъ страхъ осмѣянія, не умѣренное желаніе нравиться! Кто въ добродѣтели и просвѣщеніи разума ищетъ благополучія, всѣми желаемаго, тотъ истинно благополученъ: кто думаетъ имѣть нужду въ *другихъ* вещахъ, тотъ ищетъ повелителей, и теряетъ свободу свою: кто хочетъ наслаждаться всемъ благополучіемъ, какимъ можно наслаждаться на земли сей, тотъ долженъ быть увѣренъ, что оно неразлучно со премудростію: естьли онъ полагаетъ оное въ обладаніи преимуществъ, ослѣпляющихъ очи людскія, онъ оскорбляетъ Промыслъ, который попустилъ, что бы многіе честные люди лишены были оныхъ.

Сихъ

Сихъ ложныхъ мнѣнiй о благополучiи мы не одобряемъ, но ими ослѣпляемся совершенно, такъ что живемъ безъ удовольствiя, и умираемъ со страданiемъ. Съ большимъ благоразумiемъ да наслаждаемся всемъ, но не полагая излишней цѣны приумноженiю: да употребляемъ блага житейскiя, но съ мудрою бережливостiю: помыслимъ, что оградить себя противъ злощастiй, есть должность, и что здѣлать сiе, есть наилучшее средство не прилѣпляться безмѣрно къ тому, что каждую минуту потерять можно, и къ тому, что надлежитъ одинъ разъ на всегда покинуть. Во всѣхъ вещахъ только существенное да почитаемъ: требуется отъ гончей собаки легкость, отъ борзой сила; чемъ болѣе имѣютъ они сего, тѣмъ выше цѣнятся: наилучшее во всемъ есть, чтобъ хорошо имѣть то, что ему сродно, имѣть въ высочайшемъ степени то, что отличаетъ его отъ другихъ: но человѣкъ созданъ быть тварiю разумною, прочее имѣетъ онъ общее со всѣми тварьми; онъ имѣетъ мужество, левъ превосходитъ его; скорость въ бѣгѣ, гончая собака имѣетъ больше нежели онъ; онъ имѣетъ тѣло органическое и движенiя произвольныя, всѣ животныя имѣютъ его; голосъ, собаки имѣютъ яснѣе, орелъ пронзительнѣе, волъ сильнѣе, соловей прiятнѣе: разумъ его есть добро ему особенное, на осовер-

шенствованіе онаго долженъ онъ положить всѣ свои усилія: хотя бы онъ и не имѣлъ другихъ благъ, все не былъ бы нещастливъ, и всѣ другія блага, безъ разума, ничего бы не стоили. Нѣтъ нужды для человѣка знать, сколько сообщниковъ ему ласкающихъ, его лобзающихъ, его похваляющихъ, когда онъ находится въ достаткѣ или въ бѣдности, но нужно знать, добродѣтеленъ ли онъ. Истинныя блага человѣка не могутъ быть внѣ его: онъ долженъ сражаться и побѣждать страсти, имѣть столько мужества, чтобъ дать себѣ иногда и труда: да не говоритъ никто, что такое усиліе надъ самимъ собою есть не возможно, страсти, какъ то гнѣвъ, любовь, ненависть, коликимъ опасностямъ не подвергаютъ насъ? Сколько мы терпимъ для нихъ? А разумъ останется безъ дѣйствія? Оный здѣлалъ бы насъ боязливыми, когда истинныя слабости даютъ намъ смѣлость? Оный здѣлалъ бы малыя нещастія намъ несносными, когда пороки наши заставляютъ насъ безъ труда сносить великія печали и нещастія? Разумъ, который дѣйствуетъ спокойно, который шествуетъ надежными стопами здѣлалъ ли бы меньше нежели страсти, которыя заставляютъ насъ, закрывъ глаза, бросаться въ тысящи пропастей! Убѣдимъ себя хорошенько, и увѣримся на конецъ

нецъ, что блага тѣлесныя не стоятъ душевныхъ; что наша душа была бы благополучнѣе, избавясь отъ оковъ своихъ, нежели стесненная узами, ей мученіе наводящими.

Колико благополученъ человѣкъ честный! Добродѣтель есть сокровище безопасное отъ премѣнъ житейскихъ; она есть благо всѣхъ временъ и всѣхъ людей. Въ нѣдрахъ благоденствія, такъ какъ и посредѣ бѣдъ и печали, она вселяетъ въ души наши сей сладкій миръ, ничѣмъ не премѣняемый. Всѣ минуты жизни суть минуты увеселенія для любящаго добродѣтель. Нѣтъ тогда трудныхъ должностей, нѣтъ болѣе пріятныхъ пороковъ: смерть приходитъ, она ни призванна, ни заклята подождать еще; все есть добро, заботы, безпокойства, вражды, угрызенія; всѣ страсти сіи, которыя возмущаютъ покой нашъ, бѣгутъ далеко отъ добродѣтельнаго человѣка: въ очахъ его, природа украшена; онъ взираетъ на нея иначе нежели порочный, онъ читаетъ по всюду увѣренія о благополучіи своемъ, онъ зритъ по всюду десницу того Существа, коего благость не имѣетъ предѣловъ; онъ чувствуетъ повсюду не оцѣненную драгость благотвореній, коими наслаждается: всѣ увеселенія приходятъ во множествѣ дать ему отдохновеніе, потому что спокойная душа его можетъ наслаждаться

тѣмъ,

шѣмъ, что забвенно отъ людей, пороками мучимыхъ. Господинъ самаго себя, онъ управляетъ, онъ царствуетъ надъ страстьми своими: такой челокѣкъ встаетъ безъ боязни, ложится безъ заботы, не услышишъ никогда его жалущася, живетъ доволенъ. Ахъ! Добродѣтели, господствуйте надъ человѣкомъ, дабы былъ человѣкъ благополученъ!

Но не такое, скажутъ, люди имѣютъ понятїе о благополучїи; они ищутъ тѣхъ преимуществъ, которыя вы хотите, чтобъ я презиралъ. Но потребно ли къ тому разсужденїе людей, чтобъ мы почитали себя благополучными? Для чего намъ данъ разумъ, естьли не для того, чтобъ мы не полагались слѣпо на рѣшенїе тѣхъ, съ коими живемъ? Пусть смѣются они надъ строгостью нравоученїя нашего, пусть презираютъ насъ и добродѣтели наши, мало въ томъ нужды, мы не для нихъ, но съ ними хотимъ быть благополучны. Въ прочемъ да не воображаемъ, что бы они всегда осуждать насъ стали; рано или поздо возвратясь отъ заблужденїй своихъ и ослѣпленїя, они будутъ завидовать участи нашей, еще болѣе, они одобряютъ насъ даже и тогда, когда осуждать насъ показываются; ваши добродѣтели иногда ихъ оскорбляютъ потому, что добродѣтели сїи суть вопли, противу ихъ востающїе, и

улича-

уличающïе ихъ въ заблужденïяхъ ихъ, они боятся и убѣгают тѣхъ людей, кои уничижать ихъ кажутся; подобясь симъ ночнымъ животнымъ, коихъ никогда не освѣщаетъ прекрасный день, и коимъ прïятенъ мракъ, они стараются убѣгать того, что могло бы показать ихъ очень близко: они удаляютъ все то, что можетъ возбудить въ нихъ угрызенïя, которыхъ страшатся они; и какъ бы удалить оныя, естьли бы, предъ очами имѣя добродѣтельныхъ людей, не старались они уменьшать цѣну добродѣтелей ихъ?

То, что заставляетъ людей толь удобно слѣпотствовать о свойствѣ истинныхъ благъ и прямыхъ золъ, есть то, что судятъ они о цѣнѣ благъ по степени удовольствïя, чувствуемаго ими отъ обладанïя оныхъ, и о великости золъ по степени прискорбïя, чувствуемаго ими при снесенïи оныхъ; естьли надѣжнѣйшее средство обмануться? Ни удовольствïе, ни страданïе не должны управлять и рѣшить нами: безъ сего будетъ, что постыднѣйшïя и опаснѣйшïя дѣйствïя покажутся намъ добрыми, и вещи полѣзнѣйшïя и нужнѣйшïя покажутся намъ худыми. Сïе внутренное чувствïе, на которое ссылаются люди, и которое должно, по ихъ мнѣнïю, рѣшить вопросъ о благополучïи, рѣшило бы оный безъ сомнѣнïя, естьли бы они были меньше обладаемы страстьми, и

естьли бы ихъ воображенїе порядочнѣе было. Отнимите у дитяти опасную игрушку, сїе будетъ для него зло изъ всѣхъ золъ величайшее: сколько есть людей, кои къ безчисленнымъ вещамъ имѣютъ отвращенїе, и не могутъ на то дать причинъ! Удивительно ли послѣ сего будетъ, что имѣютъ они отвращенїе къ тому, что противно симъ нещастнымъ склонностямъ, издавна ими снисканнымъ? Сїе чувствїе удовольствїя или страданїя не иное что есть, какъ самая страсть; послушайте разсудка, когда, по удовольствованїи желанїй вашихъ, ослѣпленїе начнетъ изчезать, то есть, когда вы престанете сумазбродствовать, и вы тотчасъ увидите, что вы дѣлали себѣ мечту.

Естьли бы послѣ сего спросилъ кто еще, что есть истинное благо, я отвѣтствовалъ бы, что есть то живое и точное познанїе нашихъ должностей. Живое познанїе имѣетъ всегда втеченїе въ дѣйствїя наши, и естьли случается, что мы знаемъ должности свои, ихъ не исполняя, сїе происходитъ отъ того, что мы знаемъ ихъ темнымъ только нѣкоторымъ образомъ, что мы не имѣемъ къ нимъ никакого вниманїя, что мы нерадимъ о возбужденїи въ насъ объ нихъ понятїя съ симъ жаромъ, волю опредѣляющимъ; что призывая на помощь къ нашимъ страстямъ, предразсудки и заблужденїе, мы составляемъ себѣ нравоученїе,

ученіе, кое не есть нравоученіе честнаго человѣка. Кто знаетъ свои должности, какъ должно знать ихъ человѣку, тотъ всегда исполняетъ оныя: да познаемъ ихъ такимъ образомъ, тоже будетъ и съ нами, какъ съ симъ мудрымъ, котораго всегда находитъ заря, и заходящее солнце оставляетъ всегда въ совершенномъ спокойствіи, которому отсутствіе утѣхъ не есть прискорбно, которому наслажденіе не опасно, который, по примѣру Епикурейца, вкушаетъ оныя съ сладостію, но не полагаетъ имъ цѣны больше пристойныя, который тѣмъ щастливѣе, въ сіи минуты увеселенія, что онъ не боится печальнаго раскаянія; который всегда имѣетъ довольно, что возвышало бы душу его, и который умѣетъ чувствовать сіи усладительныя минуты, кои познать обыкновенные люди отрицаются. Не думайте, что бы то, что есть кромѣ благъ сихъ, дѣлало человѣка весьма благополучнымъ: тамъ, гдѣ нѣтъ добродѣтели, нѣтъ и благополучія, какія бы выгоды мы себѣ тамъ ни представляли: карло поставленный на горѣ, есть карло, коего видимъ издали; колоссъ, коего основаніе находится на днѣ пропасти, есть колоссъ, который видимъ только вблизи: есть бѣдность и въ нѣдрахъ изобилія, и есть изобиліе въ нѣдрахъ бѣдности. Соберите чести, богатства, соберите преходящія житейскія

блага на главу единаго человѣка, естьли не дадите ему добродѣтели, вы здѣлаете изъ него наинещастливѣйшаго изъ человѣковъ: онъ хочетъ наслаждаться и опредѣляетъ бренныя остатки жизни кончаемой на попеченіе о истинныхъ своихъ пользахъ, то, что не можетъ болѣе служить ни къ чему, онъ опредѣляетъ на сущность: когда уже не будетъ у него памяти, тогда хочемъ онъ искать въ исторіи примѣровъ, которые наставляли бы его; когда уже не будетъ у него разсужденія, тогда захочетъ разсматривать свое прошедшее и настоящее состояніе; когда онъ будетъ имѣть ко всему отвращеніе, потому что не возможетъ болѣе ничемъ наслаждаться, тогда захочетъ, испытать увеселенія добродѣтели, коихъ познать не хотѣлъ; когда сердце его праздное отъ страстей, не будетъ чувствовать кромѣ сожалѣній, угрызеній и смущенія, тогда захочетъ онъ испытать сіи чувствія мира и удовольствія, которыя возбуждаетъ премудрость. Какое безуміе, чтобъ хотѣть начать жить тогда, какъ время умирать приходитъ, чтобъ думать заниматься основательнѣйшими размышленіями въ такое время, до коего достигаютъ не многіе, и весьма часто не имѣютъ уже силъ, чтобъ заниматься оными? Мудрый, имѣя всегда предъ очами безсмертіе, коего желаетъ онъ и надѣется, взираетъ на блага житейскія какъ на

цвѣты,

цвѣты, украшающіе преходъ его, но не долженствующія останововлять его, потому что увядаютъ оные прежде, нежели онъ ихъ покидаетъ.

Тѣмъ невозможнѣе сомнѣваться о сихъ истиннахъ, что всѣ люди познаютъ оныя, лишъ только поговори съ ними: посредѣ мятежа страстей и упоенія утѣхъ, весьма естественно, что бы они забыли о свойствѣ и нуждѣ своихъ должностей; гласъ разума достигаетъ до нихъ не иначе какъ на подобіе нѣкоего тщетнаго звука, поражающаго только уши ихъ: но говорите съ человѣкомъ, когда, утомясь отъ своихъ увеселеній, онъ хочетъ войти въ самаго себя; покажите ему истинну, вы увидите, что онъ пораженъ будетъ ею. Я видалъ многихъ, у коихъ я исторгалъ сіи признанія, но скоро оныя забвенны были. Почему коль полезно искать обращенія съ тѣми, кои умѣютъ налагать узду страстямъ своимъ! Нѣтъ ничего способнѣе привести насъ къ добродѣтели: примѣръ есть первый изъ всѣхъ наставниковъ; оный увѣряетъ наилучше потому, что онъ есть наикраснорѣчивѣйшій.

Трудность достигнуть до обузданія страстей своихъ, и до сниканія сладкой привычки къ должностямъ, которыя намъ исполнять надлежитъ, остановитъ ли насъ? Не столь трудно быть добродѣ-

тельнымъ; только страсть полагаетъ тамъ трудности, гдѣ нѣтъ оныхъ: живите такъ, какъ будто бы непрестанно за вами примѣчаемо было; увѣрьте себя, что никакая мысль души вашей не есть бездѣйственна, что всѣ онѣ имѣютъ втеченіе во благополучіе ваше; обращайте взоры ваши часто на должности и дѣйствія ваши; сравнивайте человѣка такого, каковымъ быть бы ему надлежало, съ человѣкомъ такимъ, каковымъ онъ есть; строго наблюдая то, что происходитъ въ васъ самихъ, судите себя такъ, какъ бы судили человѣка, коему бы прощать вамъ не надлежало. Естьли бы мы помышляли, что Богъ находится близь насъ, съ нами, и въ насъ самихъ; естьли бы сей духъ живущій въ насъ, не былъ безпрестанно развлеченъ стараніемъ, какое имѣемъ мы занимать его всемъ тѣмъ, что внѣ насъ находится: то, будучи добродѣтельнѣе и благоразумнѣе, нашли бы мы, что трудно быть порочными.

Но, скажутъ безъ сомнѣнія, сколь великое различіе, между сими началами и началами обыкновенныхъ людей! Итакъ большая часть рода человѣческаго будетъ лишена сего степени благополучія толико желаннаго, и предоставлено будетъ только малому числу смертныхъ почитать жизнь за благополучіе? Заблужденіе; начала суть тѣже, природа и разумъ вѣщаютъ

вѣщаютъ оныя всѣмъ человѣкамъ, а для насъ откровеніе изъяснило оныя. Когда философія или разумъ просвѣщеннѣйшій былъ нуженъ для вычищенія нравовъ нашихъ, когда суевѣріе отдаляло отъ Божества тѣ совершенства, которыя полагать въ немъ надлежитъ, когда люди, водимые страстьми своими, представляли себѣ боговъ по своему хотѣнію, тогда свѣтъ разума полагалъ н ивеличайшую между людьми разность, но всегда не столько, чтобъ можно было оправдать роптанія тѣхъ, кои меньше благополучны были: оставалась всегда человѣку власть слѣдовать просвѣщенію своего разума, и было удовольствіе, душевный миръ, сущее благополучіе для того, кто слѣдовалъ оному. Наши должности суть соразмѣрны нашему просвѣщенію, такъ какъ силамъ нашимъ, то есть, ежели справедливо, что чѣмъ обширнѣе просвѣщеніе наше, тѣмъ больше и должностей наложено на насъ, по той причинѣ, что мы обязаны ко исполненію только тѣхъ должностей, которыя намъ извѣстны; такъ не меньше справедливо и то, что чѣмъ больше человѣкъ имѣетъ исполнять должностей, тѣмъ больше находитъ себя въ состояніи дѣлать сіи въ добродѣтели усилія, которыя иногда кажутся быть выше силъ человѣческихъ; ибо коль скоро какая нибудь должность намъ извѣстна,

 то

то и побужденіе, могущее понудить насъ ко исполненію оныя, и благо, намъ изъ того произходящее, намъ такъ же суть извѣстны; разумъ и собственная наша совѣсть требуютъ отъ насъ только возможнаго: и такъ человѣкъ благополученъ, коль скоро дѣлаетъ все то, что можетъ онъ дѣлать, что бы быть благополучнымъ. Признаюсь, что то великое преимущество, чтобъ быть просвѣщеннымъ; но да не воображаемъ, чтобъ, въ разсужденіи сего, была безмѣрная между людьми разность: да не увѣряемъ себя, что бы наиобширнѣйшія познанія были нужны тому, кто хочетъ знать всѣ свои должности. Тотъ, кто внемлетъ гласу своего разума, долженъ и можетъ быть спокоенъ; но коль мало находится людей, всегда внемлющихъ оному! Когда скажутъ, что разумъ наибольшей части между ими есть не складное собраніе не основательныхъ понятій, предразсудковъ и заблужденій, что видимъ съ одной стороны народъ обольщенный наружностями, страстьми самыми скотскими, предразсудками самыми грубыми, и съ другой, людей просвѣщеннѣйшихъ, обольщенныхъ системами, мнѣніями вѣка, страстьми, украшенными какимъ нибудь хорошимъ названіемъ; то я скажу, что люди не могутъ обмануться въ свойствѣ должностей, наложенныхъ

имъ , а сіе и составляетъ все то , что потребно къ ихъ благополучію.

Ежели исполненіе нашихъ должностей , ежели самое благородное упражненіе, ежели самое сладкое состояніе души, ежели самыя нѣжныя чувствія, ежели наслажденіе безчисленныхъ благъ, ежели самое извѣстное надѣяніе блаженной вѣчности не могутъ принудить людей увѣриться о ихъ благополучіи , то я ничего не знаю въ свѣтѣ, о чемъ бы имѣли мы причину быть извѣстными. Я знаю , что сражаюсь съ предразсудками неудобными къ преодоленію, но довольно для меня, чтобъ могъ я сослаться на голосъ каждаго человѣка, который похощетъ войти въ самаго себя. Ежели есть люди нещастные, то для сего , что они хотятъ быть таковыми: нещастіе есть такого свойства, что можетъ быть разрушено, коль скоро будетъ довольно познано, а познано быть можетъ при каждой минутѣ. Мы имѣемъ все то , что потребно намъ ко исполненію намѣренія, для котораго мы созданы, нѣтъ ни въ чемъ намъ недостатка. Мы будемъ и благополучны , сколько возможно быть таковыми, естьли захотимъ подлинно. Мы можемъ всегда искать въ настоящемъ , въ напоминаніи прошедшаго , и въ надеждѣ будущаго , причинъ увеселенія, радости и удовольствія. Ежели блага житейскія имѣютъ невыгоды, то блага

истинныя совсѣмъ не имѣютъ оныхъ: хотя наслаждаемся ими въ радости, хотя посредѣ скоропреходныхъ міра сего страданій, сіе не отъемлетъ ничего отъ нашего благоденствія.

Или представятъ мнѣ вопреки, что надлежитъ вопросить людей, дабы узнать благополучны ли они, и что нѣтъ благополучія для того, кто воображаетъ не имѣть онаго? Но развѣ не извѣстно, что человѣкъ есть такое существо, которое почитаетъ себя злополучнымъ безъ злополучія, или по крайней мѣрѣ не хочетъ почитаться за благополучное? Предъ очами людей мы умножаемъ напасти наши, увеличиваемъ ихъ, и уменьшаемъ цѣну благъ, коими природа, къ неблагодарнымъ излишно щедрая, наградила насъ; но сердце наше втайнѣ осуждаетъ то, что произносятъ уста наши. Ежели скажетъ кто, что самоубійство доказываетъ, что люди суть злощастны, я отвѣтствую, что самоубійство не доказываетъ ничего инаго, кромѣ минуты сумасшествія; признаюсь, что человѣкъ, погибающій отъ собственныхъ рукъ своихъ, почитаетъ себя нещастнымъ, но отвергаю то, чтобъ онъ иначе былъ нещастенъ, какъ чрезъ злодѣянія, которыя могъ содѣлать, и чрезъ злодѣяніе, которое содѣловаетъ, исторгая у себя жизнь, коею располагать не имѣетъ онъ права. Есть бѣдствія

вЪ жизни, и сіи бѢдствія имѢютЪ свое упоеніе, минута размышленія остановила бы дѢйствіе толико мрачное, и та же самая рука, которая кончаетЪ дни сего отчаяннаго, затворила бы, естлибЪ могла, данную собою рану. Есть время, вЪ которое умереть долженствуемЪ, и намЪ не надлежитЪ ускорять предѢла сего; *Прощай и иди, дозволяется*, говорили Римляне умершему, коего трупЪ сожигать приступали. Естьли разсмотрѢть прилѢжнѢе, то увидимЪ, что самоубійство самое доказываетЪ, что преступленія и пороки суть единыя и истинныя злощастія. Что касается до безумныхЪ и меланхоликовЪ, сіе есть такой вопросЪ, который требуетЪ особеннаго сочиненія, и представляетЪ толь пространное поле кЪ важнымЪ разсужденіямЪ, что здѢсь разсмотрено быть не можетЪ.

Что бы найти злощастныхЪ между людьми, мы нападаемЪ на изображеніе, не помышляя, возможно ли существовать такому человѢку, или по крайней мѢрѢ существуетЪ ли онЪ вЪ самомЪ дѢлѢ. РазбѢрите прилѢжнѢе жалобы людей, вы увидите, что жалуются они на свои злощастія только потому, что странно и ново для нихЪ имѢть оныя. СправедливѢе долженствовали бы они помыслить о всѢхЪ благахЪ, коими наслаждаются, но обладаніе учинило ихЪ кЪ нимЪ нечувстви-

тельными: благоразумнѣе долженствовали бы они радоваться о великомъ числѣ золъ, коихъ избѣжали они, но одна минута страданія затмеваетъ въ очахъ ихъ цѣлый вѣкъ благополучія.

Я составилъ себѣ не такую философію, которая бы презирала бѣдствія житейскія, и которая бы ставила въ славу себѣ нечувствительность, совершенно превозходящую силы человѣческія: я совсѣмъ также не думаю, какъ нѣкоторые прошедшаго вѣка богословы думали, что будто бы надлежало намъ быть довольными, хотя бы угодно было Божеству учинить насъ самыми злощастными въ семъ свѣтѣ, и уготовать для насъ въ будущемъ наиплачевнѣйшую участь: я имѣю о Богѣ понятіе гораздо величественнѣйшее, Онъ не для того извлекъ человѣка изъ ничтожества, что бы погрузить его въ злощастіе. Воззрите на вселенную, и вы увидите природу, старающуся противостать злощастіямъ нашимъ: воззрите на пути Провиденія, и вы тотчасъ увидите, что не слѣпый случай управляетъ вселенною: все содѣйствуетъ ко благополучію людей, и Богъ не есть мучитель. Я прощаю Епикурейцу роптанія его; случай все здѣлалъ въ системѣ его, его Богъ нималаго въ томъ не имѣетъ участія; но можно ли простить оныя тому, кого озаряетъ чистѣйшій свѣтъ? Да покажутъ намъ,

намъ, что Верьховный Обладатель могъ учинить иначе, не наруша вѣчныхъ началъ дѣйствій своихъ: не позная цѣлаго, мы находимъ недостатки въ нѣкоторыхъ частяхъ. Всякой день налагаемъ молчаніе надменной юности, обо всемъ разсуждающей, а самимъ себѣ позволяемъ разсужденія о дѣлахъ самаго Бога: нашъ безмѣрно горделивый разумъ требуетъ предъ свое судилище то, чему долженствовалъ бы удивляться въ молчаніи.

Такъ, я признаюсь, есть бѣдствія и печали въ жизни: надлежитъ утѣшать себя, и мудрость подаетъ правила, удобныя для всякаго разумнаго человѣка. Весьма часто люди безпамятствуютъ; они противополагаютъ нещастіямъ своимъ развлеченія; подобясь симъ площаднымъ лѣкарямъ, кои даютъ больнымъ своимъ лѣкарство, на нѣсколько времени дѣйствующее, и кои, гордясь минутымъ излѣченіемъ, усыпляютъ непріятеля, вмѣсто того, что бы истребить его, они токмо утушаютъ боль на нѣсколько минутъ. Вы видите ихъ, для утѣшенія своего въ нещастіи, удаляющихъ мысль объ ономъ, и изгоняющихъ изъ своего разума все то, что могло бы ихъ опечалить; они отлагаютъ на нѣсколько времени страданіе, вмѣсто того, что бы уменьшить оное; сколько есть людей, кои ожидаютъ отъ времени и впредь, того, что могутъ доставить себѣ

тояже минуты, и что получатъ они тѣмъ труднѣе, чѣмъ будутъ ожидать болѣе!

Къ сей крайности прибавимъ другую крайность не меньше безразсудную и столь же опасную, то есть отчаяніе: тогда смотримъ только на зло, не помышляя о лѣкарствѣ; изумленные, удрученные печалію, отрицаемся отъ всякаго другаго чувствія, боимся даже такого безпокойнаго, который приходитъ прервать теченіе стенаній нашихъ. Не многократно ли случается съ нами, что идемъ въ срѣтеніе золъ, бояся оныхъ. Снѣдаясь заботами и безпокойствами, присовокупляемъ мы ко слабости, опасное искуство представлять себѣ, какъ настоящее, то, что весьма удалено, и какъ извѣстное то, что весьма сумнительно: для такой души не удобно вмѣщать тишину и спокойствіе. Утѣшеніе дѣлается удобнѣйшимъ по мѣрѣ находящихся въ утѣшаемомъ человѣкѣ добродѣтелей: человѣкъ истинно добродѣтельный бываетъ тогда же утѣшенъ, когда оскорбленъ; толико справедливо, что добродѣтель есть истинное наше благо; ибо всѣ блага житейскія остаются безъ дѣйствія для того, кто терпитъ самыя малыя нещастія. Ежели есть болѣзни неудобоизлѣчимыя, сіе бываетъ гораздо меньше по силѣ болѣзни, нежели по добровольной слабости больнаго;

го; предразсудки и пороки суть страшные непріятели, когда человѣкъ за нихъ сражается; но не надлежитъ воспящаться, надлежитъ присилить человѣка внимать наставленіямъ премудрости.

Первымъ движеніямъ печали, такъ какъ первымъ искушеінямъ, противиться надлежитъ: весьма опасно мѣдленіе; какъ истребить зло, когда уже усилится оное, естьли не могли мы затушить въ его рожденіи? Зло намъ приключается, то первое, что мы должны здѣлать, есть познать свойство и степень зла сего; второе, помыслить о пособіи, и третіе, утѣшиться. Естьли посмотрѣть на вещи и близка, то увидимъ, что въ бѣдствіяхъ житейскихъ, утѣшенія не иное что суть, какъ то внутренное увѣреніе, въ которомъ человѣкъ быть долженъ, что все, съ нимъ случающееся, способствуетъ прямо къ его благополучію: изъясните мысль сію человѣку страждущему, приложите ее къ обстоятельствамъ, въ коихъ онъ находится, представте ему истинну такою, какова она есть, и вы утѣшите его, естьли онъ благоразсудителенъ хотя мало. Чтобъ зло житейское возмущало наше благополучіе, надобно, что бы мы содѣйствовали оному: не зло въ самомъ себѣ заставляетъ насъ страдать, но размышленіе, которымъ мы сопровождаемъ оное: наша слабость, наши пороки находятъ въ

случа-

случающемся съ нами средство премѣнять благополучїе наше. Оскорбительная мысль, которая тотчасъ представится уму нашему, то есть, сожалѣнїя и желанїя, быть можетъ побораема, да и съ успѣхомъ побѣждена, естьли бы мы сего хотѣли: отъ насъ бы зависело столько не жалѣть, столько не желать; отъ насъ бы зависело почитать напасти житейскїя за блага нужныя человѣку, потому что есть человѣкъ: болѣзненное отнятїе какагонибудь члена не есть ли благо для того, кто не можетъ спастися, не претерпѣвъ сего? Коль многимъ бы простили, естьли бы размыслили прежде нежели разсердимся? Сколь много такихъ золъ, на кои бы мы никогда не жаловались, естьли бы размыслили, прежде нежели заплачемъ? Есть много житейскихъ золъ, подобящихся симъ пустымъ страхамъ, которые вблизи разсмотрѣнные, вмѣсто того, чтобъ быть причиною боязни, становятся причиною смѣха.

Есть средства, которыя облегчаютъ больнаго, есть, которыя затушаютъ даже и чувствїе болѣзни, есть, которыя утѣшаютъ. Природа исполнена способовъ, она есть мать наинѣжнѣйшая, она простираетъ къ намъ руки свои, да не удаляемся отъ путей, которыс намъ она представляетъ. Здѣлаемъ болѣе: въ нѣдрахъ золъ, естьли Промыслъ насъ полагаетъ въ нихъ, увѣримъ себя, что жить

есть

есть благополучїе. Но силы человѣческія довольны ли къ возбужденїю въ насъ толь сильныя добродѣтели? Надлежитъ только пожелать; да дѣлаемъ все то, что можемъ, а можемъ много. Неиначе какъ въ ученїи премудрости и истинны мы видимъ достигающихъ въ мирѣ, конца дней своихъ: каждую минуту жизни нашей мы наслаждаемся неоцѣненнымъ благодѣянїемъ: да не попустимъ, что бы предразсудки наши затмили сїянїе свѣта, насъ озаряющаго: достигнувъ нашего конца, мы почувствуемъ, что жить есть благополучїе; а прожить хорошо, есть весьма великое благополучїе.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

стр:	строк:	Напечатано	Читай
3	27	щастливый	нещастливый
6	27	ошъ насъ	отъ насъ
32	31	встретившiяся	встрѣтившiяся
39	20	покаящiйся	покоящiйся
40	22	затверделаго	затвердѣлаго
44	12	ослабевающiй	ослабѣвающiй
—	13	воздымающiи	воздымающiй
—	26	виденiя	видѣнiя
—	31	рѣвновалъ	ревновалъ
46	5	созревша-	созрѣвша-
—	13	преждѣ	прежде
48	19	тени	тѣни
—	21	теней	тѣней
50	30	закоренелые	закоренѣлые
57	16	въ недрахъ	въ нѣдрахъ

)o(

